

ОПГ "Деревня"



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Alchy Alchy

18+

Alchy Alchy
ОПГ «Деревня»

«Автор»

2024

Alchy A.

ОПГ «Деревня» / А. Alchy — «Автор», 2024

Сюжет банален и не нов - перенос небольшой деревни в 1796 год, территориально - горно-заводская зона, Южный Урал. Год смерти Екатерины II Алексеевны. Постараюсь в рамках реалий, вернее - того, что известно о тех временах. И естественно - реакция простых людей на всё вот это... Большое спасибо камраду str за консультации и идеи, а также - всем читателям, без вас - этой книги бы не было!

© Alchy A., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Alchy Alchy

ОПГ "Деревня"

Глава 1

Интерлюдия. в\ч, г. Чебаркуль, ангар для спецтехники. 7 октября 2023 г.

Тишину ангара под вечер наполнили звуки возвращающейся с полигона техники, которую старший сержант Иван, контрактник, старался побыстрее распределить по местам и сплавить, наконец, ораву техперсонала из какого-то НИИ в столовую и дальше по казармам. На вечер был запланирован небольшой междусобойчик с двумя старыми сослуживцами, изрядный запас спиртного и мировая закуска. А внезапно нагрянувшие ученые, второй день оккупировавшие часть со своей техникой – в эти планы не вписывались. Ладно, днём они пропадали на полигоне, но под вечер, со свойственным всем гражданским разгильдяйством – шарохалялись по всей территории, нарушая режим и давно сложившийся распорядок. Одних гражданских ещё можно было вытерпеть, как неизбежное зло и часть тягот военной службы, но с ними заявился выводок армейской верхушки.

Этой комиссии, сверкающей звездами на погонах и выхлопом перегара – тоже спокойно не сиделось и они изрядно доставали как местный комсостав, так и рядовых, везде суя свой нос. Ничего, скоро все они утомонятся, разбредутся по своим местам, вот тогда и придет время достать припасенный харч и посидеть с друзьями!

Так всё и вышло, стемнело, в офицерской столовой отгремело коллективное исполнение «батяни-комбата», у крыльца зажгли угольки сигарет, помигали, сверкнули трассами к ведру с водой и утомленные коньяком и гостеприимством члены комиссии потянулись по спальным местам.

Однополчане ополовинили уже вторую бутылку, как их теплую и дружественную атмосферу внезапно нарушило появление незваного гостя.

– Здорова, мужики, не помешал? – осклабившись, поинтересовался совершенно гражданского вида институтский техник. – Не спится что-то, да вы сидите, не подрывайтесь, сейчас вот, от нашего стола вашему.

С этими словами он отошел к МАЗу, набитому аппаратурой ученых, залез в кунг и вылез, демонстрируя в руках полуплитровую бутылку, наполненную какой-то жидкостью. Судя по времени и месту – явно не минералкой. Потом жестом фокусника продемонстрировал в другой руке промасленный газетный сверток, распространяющий даже на таком расстоянии одуряющий аромат копченого сала, с чесноком.

– Вот, спирт, чистоган, нам по техрегламенту положен, для эксплуатации оборудования. И сало, теща любимая с собой в командировку завернула. Не спится что-то, да и надо кой чего глянуть, в аппаратуре, что-то днем горелой изоляцией на полигоне напахнуло. Пока начальства нет.

Такое эффектное появление нового участника не вызвало никакого отторжения у уже было готовой сорваться из-за накрытого газетой ящика компании и после короткой, но содержательной процедуры знакомства – застольный ритуал продолжился.

Техник, оказавшийся Димой, после пары штрафных влился в коллектив как родной и застолье покатило по веками отточенному ритуалу. До баб дойти не успели, зацепившись языками за тему СВО, которая друзьям контрактникам была знакома не понаслышке. Собственно, они и находились в части после ротации, перед очередной оправкой в зону конфликта. Дмитрий, слушавший воспоминания бойцов с открытым ртом и отвисшей челюстью, вспомнил, что и он не лаптем щи в тылу хлебает, а кует в тылу победу в своем жутко секретном НИИ и зашел с козырей:

– Парни, а ведь и мы для СВО работаем, сейчас вот обкатываем в поле новую хрень, пока на кроликах, правда, но зато на на иных физических принципах, чем существующее теперь оружие!

– Лазером хохлов жечь можно будет?! – обрадовался один из воинов.

– Да не, это скорее очень эффективный комплекс установки радиоэлектронных помех, вернее, наша установка может полностью блокировать всё излучение в неправильном эллипсе с примерным диаметром в пять километров, причем, на расстояние до 150 км от установки! Полностью изолированный весь доступный диапазон связи в наличии. Плюс интересные, но не фатальные эффекты для живых организмов в этом эллипсе!

– Падают и лапки кверху?! – Заинтересовался Ваня.

– Не совсем, там всё индивидуально, у кроликов, кто гадит под себя, у кого подшерсток дыбом встает, а сам кролик в ужасе забивается в угол клетки. Кто наоборот, начинает в упоении и эйфории прыгать. А некоторые, невзирая на гендерную принадлежность, начинают предаваться разнузданному разврату. Но это на кроликах. На людях ещё не испытывали, вот повезут на СВО и испытают. Может, вы и повезёте как раз.

Подивившись, до чего дошел прогресс – налили ещё по одной, покурили, потом ещё по одной и разговор неизбежно зашел про женщин.

– Утомила она меня! – с надрывом вещал Иван. – Сами мы деревенские, недалеко отсюда деревня. Речка в нескольких километрах, лес, охота. Огород свой, сад. А эта куропатка свистит флягой, в город она хочет. Понабралась там в своих твиттерах и фейсбуках, разговаривать с ней не могу. Всё сводит на тему, когда мы эту пропахшую навозом деревню покинем и в город переберемся. Я бы её лучше покинул, если бы не любил. Дуру!

– Да забей, Ваня! – успокаивали его сослуживцы. – Приедешь домой, втащишь пару раз и успокоится!

В самый разгар пьянки Димой внезапно овладела жажда деятельности и он, вспомнив, что хотел посмотреть состояние вызвавших подозрения деталей – полез в кунг с аппаратурой, вытащил из него нечто, по виду напоминающее раскуроченный микшерный пульт диджея с подключенным монитором, как у планшета и вооружившись одному ему понятным инструментом – принялся колдовать.

К процессу с удовольствием подключились собутыльники. Мало ли, помочь чем-нибудь, посоветовать, поддержать наконец. Менталитет у наших такой, не могут спокойно пить, когда другие работают.

И ведь не зря подошли – помощь понадобилась. Для полноценного теста пришлось завести МАЗ, подключить генератор в кунге. А в процессе, Дмитрий вначале сыпал малопонятными терминами, потом. Заметив неподдельную заинтересованность приятелей – стал объяснять научно-популярно, с поправкой на армейскую специфику.

– Выбираем на мониторе нужный квадрат, который не квадрат на самом деле, а неправильный эллипс, но это не суть важно. Потом синхронизируем контуры и простым нажатием кнопки глушим выбранный квадрат. Который не квадрат, а неправильный эллипс.

– Гля, Димон, а вон моя деревня! – Ваня узрел на мониторе свои родные пенаты и пришел в нездоровое возбуждение, – А давай на них наведемся! А я своей Ксюхе позвоню, нагоню ей жути и пуганем односельчан слегка. Не как кроликов, а так, слегонца, может наука так?! – с этими словами он вручил Диме бутылку и взглянул на него испытующе.

– А фули бы нет! – провозгласил поведшийся на провокацию уже изрядно косою Димка, поколдовал над кнопками, хлебнул из горлышка и вернул бутылку Ивану. – Звони! Рукой махнешь, я и втоплю, связь всю обрубит и дискомфорт легкий почувствуют. Можно даже слегка добавить, чтоб наверняка.

– Да ты уж добавь, народ у нас крепкий, деревенский, надо чтоб почувствовали! Как солдат по ним скушает!

С этими словами Ваня достал мобильник, набрал, дождался отклика абонента и зачастил в трубку:

– Ксюша, ты только слушай меня сейчас внимательно! Дело очень важное и касается всей нашей деревни! Только не перебивай! – после этих слов скорчил злодейскую рожу и сделал отмашку Диме.

Тот нажал на кнопку, в недрах кунга что-то загудело, от пульта напахнуло горелой изоляцией.

– Всё, квадрат накрыт, долго держать не стоит. А то кроликам не очень нравилось. Да и вырубилось там у них всё сейчас, и интернет, и связь, и электричество. – Самодовольно изрек техник.

Ваня дунул в трубку:

– Алё, алё, алё? Реально вырубил, отключилась! – радостно воскликнул он, взмахнул руками и подпрыгнул.

Из зажатой в правой руке бутылки выплеснулось немного разбавленного спирта и незаметно для всех присутствующих угодило прямоком в явственно пахнущие горелым потроха пульта управления. Пульт отреагировал бурно, в нем что-то закоротило, он изверг из своих недр вначале несколько разрядов, как при электросварке, потом изобразил подобие римской свечи. Тут же прошла цепная реакция с аппаратурой в кунге и притихший до сей поры ангар озарился сполохами и треском разрядов.

Общая бессознательная мысль пронзила коллектив: «Подшутили, млять, над деревенскими!»

Ночь, улица, фонарь, деревня...Южный Урал, деревня недалеко от долины р. Ай.
7 октября 2023 г.

Несмотря на недавно наступившую полночь – деревня не спала. Вернее – спала не вся, из почти более 500 человек населения, не считая скотины. Не спал замглавы сельской администрации, Захар Михайлович, которого в деревне все звали просто Председателем. Вместе с ним не спал представитель исполнительной власти – участковый Серёга. И примкнувший к ним депутат от деревни, самовыдвиженец, неожиданно для самого себя победивший на выборах год назад, Никита. По отчеству Никиту не звали даже в городе, куда он по своим депутатским нуждам периодически мотался.

Повод для посиделок был железобетонный – угощение бригады врачей мобильного фельдшерско-акушерского передвижного пункта на базе пазика, в составе хирурга с залысинами и взглядом убийцы, эндокринолога атлетического сложения с наколкой ВДВ на левой руке, и двух женщин: акушерки и гастроэнтеролога. Причем женщины были из разряда воспетых Некрасовым, что и коня останоят, и деревню сожгут. Врачи приехали на два дня, в рамках соцпрограммы и всеобщей диспансеризации, вакцинации и недопущения кожно-венерических заболеваний.

Вообще, если бы не предварительное согласование с администрацией и наличие у медиков автобуса, заполненного медицинскими приборами – бригаду врачей на первый взгляд можно было принять за сплоченную банду рецидивистов, настолько они брутально выглядели. Даже заслуженный ветеринар Анисим (работающий пенсионер и ценный специалист, за которого руководство во все времена держалось обеими руками), отдавший вначале совхозу, затем агрохолдингу, в который совхоз преобразовался, все свои лучшие годы – выглядел на их фоне блекло.

Но несмотря на свой внешний вид, врачи за сегодняшний день доказали свой профессионализм, и то, что хлеб свой едят не зря, обработав и рассортировав больше половины прописанного населения и часть прибранных, не внесенных в списки, но возжелавших халявного медобследования.

Сейчас врачи лишь подтверждали свое реноме, пили, но держались в рамках. Только покраснелись. В то время как Серёга уже был вынужден один раз выводить разошедшегося депутата на улицу и приводить его в чувство, путем удара в душу, чтоб не позорил общество.

Сидели душевно, Председатель был доволен врачами и их квалификацией (хирург ему походя влил укол, после жалоб на прихватившую спину, после которого всё прошло), Серёга – отсутствием эксцессов во время мероприятия, Никита – халявой. Врачи – озвученной председателем благодарностью после акции в виде даров полей, огородов и мясопродуктов. Анисим просто наслаждался атмосферой и обществом в некотором роде коллег.

К случившемуся они оказались не готовы. Когда за окном мелькнули сине-зеленые всполохи, мысль о северном сиянии никому не пришла в голову. Хирург стал судорожно вспоминать первые признаки инфаркта, Председатель с тоской подумал об в конце обветшавших электросетях, участковый Серёга – об все берега попутавших наркоманах, устраивающих набеги на деревню с середины лета до поздней осени, то за маком на огородах, то за дикорастущей коноплей за огородами и вдоль оврагов.

А потом их накрыло. Кого ужасом, кого экзистенциальной тоской. Серёгу, как участника второй чеченской, хоть и накрыло, но он успел на рефлексах зарядить со всей дури Никите.

Чем, вероятней всего – спас того от побочных эффектов адского изобретения ученых, просто и гуманно отправив его в нокаут.

Длилось, к счастью, это недолго. И вот уже, вытирая испарину, побелевший председатель оттягивал ворот майки, риторически вопрошая:

– Что это было, товарищи!?

На что ни у кого не нашлось ответа, после чего пришли к общему мнению, что хватит пить и разошлись, медики по выделенным Захаром Михайловичем спальным местам, Анисим с участковым и депутатом по домам. Никита пробовал что-то пробубнить про продолжение банкета, но был подхвачен Серёгой под руки и выдворен на свежий воздух.

Вдобавок ко всему – вырубилось электричество, чему Захар ничуть не удивился, с электросетями давно надо было что-то решать, о чем он неустанно говорил как вышестоящими руководством в сельсовете, так и стропалил Никиту, чтоб он, как депутат – продвигал этот вопрос. Модернизировать обещались второй год, но что-то пока не складывалось.

И даже те, кто спал в эту ночь – спали беспокойно и снились им кошмары...

Не спалось и Ксении, невольной виновнице всего случившегося, история банальная. Известная ещё с библейских времён, как говорят французы – шерше ля фам, а в народе – во всем виноваты бабы. Ксюха вообще была не дома, если честно, а в гостях у соседа Егора. Не подумайте чего, во первых – Егор для неё слишком старый, во вторых – репутация у него, мягко говоря – не ахти.

Егора знала вся деревня, он был практически местным, по крайней мере – приходился двоюродным братом участковому и с детства каждое лето приезжал сюда на каникулы. Вырос здесь, практически, пил самогон, ухлестывал за девчонками, но в деревне его больше знали как наркомана, и не одна бабка, чей огород он истоптал в поисках мака – имела на него зуб. Но это всё было в прошлом, благодаря слаженным усилиям родственников (не без физического воздействия), посетив несколько реабилитационных центров – он наконец завязал со своими пагубными привычками и осел в деревне. По крайней мере – так это выглядело в глазах общественного мнения, но бабки то знали, что дело тут нечисто и ожидали подвоха.

Здесь, в деревне, он устроился дежурным электриком в агрохолдинге (у которого здесь был небольшой филиал), завел стаю гусей, которых откармливал всё лето, а по осени подвергал тотальному геноциду, оставляя несколько особей для дальнейшего размножения. Держал огород, причем содержал его образцово, этого не отнять. Видимо, навыки культивирования психоактивных растений оставили след – на огороде у него всё цвело и пахло, что несколько примирало с ним бабок. К тому же он и в совете не отказывал, и посадочным материалом делился с соседями. По словам Серёги – социализация и реабилитация шла успешно, вот уже почти два года. А уж после того, как Егор приобрел дорогую ректификационную колонну, дотошно изучил предмет (с химией он всегда был на ты, специфика бывшего образа жизни) и начал выдавать в народ такое, что язык не поворачивался назвать самогоном – он по заслугам вошел в элиту деревни. Ну и руки у него росли откуда надо.

Поэтому Ксения, которой её Ваня с пару месяцев назад подарил ноутбук – частенько обращалась к нему, то программу поставить халявную, то объяснить чего. Да и интересным собеседником он был, чего уж там. Всю страну объездил, где только не работал, даже в столице жил (о том, что живя в столице, Егор больше тусовался по притонам, чем по музеям и театрам – он не особо любил распространяться). Но Ване своему изменять она и в мыслях не держала, хоть и называла его про себя не иначе как Иванушка-Дурачок, в зависимости от обстоятельств, то ласково, то как диагноз. С Иваном у них была любовь, но кардинально разные взгляды на дальнейшую совместную жизнь.

Сама Ксюха прожила всю жизнь в деревне, за исключением четырех лет обучения в колледже и с детства руководствовалась принципом, переиначив рекламный слоган: «хорошо иметь домик в деревне, но скотину держать – совсем другое дело». Поэтому себя в деревне видела лишь в роли приезжающей в гости к родителям на выходных, но никак не постоянной обитательницей. Тут Ваня, со своими планами, был обречен, если бы не трагическая случайность в воинской части...

Вот и сегодня, Егор запустил эсэклинер, почистил Ксюхе браузер от кэша, поставил пиратский, скачанный с торрента фотошоп, они уже допивали чай и доедали принесённые Ксюшей пирожки, собираясь расходиться, когда позвонил боец.

– Ваня, Ваня! – прокричала она в трубку. – Что случилось, что такое, ты куда пропал!?

После этого досталось и им. От окна полыхнуло сине-зеленым мерцанием, и если у Ксюхи всего лишь вздыбился подшерсток и сознание затопило паникой и всеобъемлющей истиной: «всё пропало!», то Егор осознал в очередной раз всю тщетность бытия, понял, что мы все умрем и зря он, всё таки – употреблял наркотики и не знал меры в алкоголе. Минздрав оказался прав, и осознание этого было горьким и мучительным.

После того, как полегчало, Егор, нашел фонарик и осветив комнату – убедился, что Ксюша здесь и живая, спросил её (его как-то сразу стали терзать смутные сомнения, что между звонком Иван и последующими событиями есть какая-то связь):

– Что случилось, Ксюха, чего твой Ванька звонил?

– Я и понять толком не успела, но кажется – он хотел о чем-то предупредить, говорил, что то ли дело серьёзное, то ли нам всем пипец.

– Однако, а он ведь у тебя сейчас опять у хохлов? Неужели всё таки ядёрка?! -

– Нет, – Ксюша аж прикусила губу, – он в Чебаркуле, в части. Егор, ты это серьёзно, про ядёрку?! Это же не смешно!

– Какой смех, Ксюх, их то в части запросто могли в курс поставить. А сейчас света нет, связи тоже, хз, что в мире происходит, может и впрямь, сорвались с катушек и жахнули...

Егор, как фанат Беркема, завсегдатай автор.тудей и прошедший все фоллауты – к зомби и попаданцам относился скептически, а вот сценарий атомной войны был ему близок и понятен. А в выживание в постапокалиптическом мире на радиоактивных развалинах цивилизации он не очень верил, после жизни зимой в деревне на Урале в такое верится с трудом.

Они вышли на улицу, Егор отдал Ксюхе фонарик, чтоб добралась до дома, а сам постоял во дворе, выкурив сигарету, всё больше и больше успокаиваясь. Ничего не происходило, небо не расчеркивали трассы боеголовок, на горизонте не занималось зарево пожаров. На краю деревни пару раз тявкнула собака и умолкла. Он посмотрел на небо, в котором так красиво

мерцали звезды, таких не увидишь в городе, с его вечной подсветкой. Вот в деревне – да, особенно когда электричество вырубят. Нашел большую Медведицу на привычном месте, на это его познаний в астрономии хватало, про Малую он только знал...

А этим летом перебои с электроэнергией случались особенно часто, ради чего Егору даже пришлось разориться на генератор. Не то, чтоб электричество выключали надолго, самое большее – через полдня приезжала мобильная бригада электриков из села и устраняла проблему, обычно заключающуюся в обрыве линии между деревней и селом. С генератором было спокойней и удобней. Он тщательно затушил окурок, окончательно успокоившись и пошел спать.

А в небе продолжали гореть звезды, как тысячи и миллионы лет тому назад. Если бы Егор был внимательней, то заметил, что в небе не было огоньков пролетающих самолетов и спутников...

Глава 2

В воскресное утро можно было бы поваляться и подольше, но не в деревне. Егор за всю свою деревенскую жизнь отлично адаптировался к местной специфике, и не недовольное блеяние соседских баранов, ни кукареканье их петухов – не могло нарушить его сон. Но вот недовольный гогот своих гусей он проигнорировать не мог. Поднялся. Потирая заспанные глаза прошел на кухню, плеснул в лицо из умывальника, утерся полотенцем и стал одеваться. Ткнул чайник – тот не отозвался. Щелкнул по выключателю – тишина.

«Понятно, к обеду раздушатся и починят, придется генератор заводить, а то без кофе никак», – и пошел во двор, выкурить первую сигарету, выпустить гусей, – «и надо же накормить их ещё, порубить кабачков, комбикорма запарить, прежде чем на пруд выгонять, эх, всё одно генератор заводить».

На улице было свежо, всё таки утро ещё, восемь часов с копейками, да и осень на дворе. Гуси, учуяв его появление – заблажили с новыми силами.

«Здорова, упыри!», – гаркнул он им, открывая дверь курятника и отшатываясь в сторону. Чтоб не быть сбитым с ног стаей, стремящейся на волю. Гуси выкатились во двор, разошлись по нему по хозяйски, недовольно взогатывая и поглядывая на Егора, как бы неприкрытым текстом говоря: «жрать давай, да?!»

«Никакого, сука, уважения, что за гуси пошли...» – посетовал он про себя и докуривая на ходу, поплелся заниматься привычной рутинной, предвкушая, как заварит наконец кофе.

Так, потихоньку, он нарубил зеленки, запарил с отрубями, вывалил гусям и попивая кофе, приглядывал самых жирных и наглых, кому он отрубит голову в первую очередь. На звук негромко тархтящего в сенях генератора вначале подтянулась соседка, тетка Марфа, с чайником и десятком яиц. Чайник – вскипятить, яйца – Егору. С соседями в деревне лучше жить дружно. Потом нарисовалась озабоченная Ксюша, с ноутом, телефоном и пауэрбанкой, всё зарядить. Ещё и на кофе напросилась беспардонно.

– Ты бы, Ксюха, ещё батин аккумулятор от трактора притащила, – беззлобно подколот он её, – или от машины хотя бы, если от трактора тяжелый.

– Надо будет, сам притащит. – Отмахнулась она. – А ты телефон смотрел? Сети то нет, значит, и в селе света нет.

– Тем лучше, быстрее электриков пнут и починят. – рассудительно заметил Егор. – Так, кофе попила, девайсы на зарядку поставила? Домой пойдешь, проводи гусей моих до пруда, ну, дорогу они знают. Так, направь слегка, а то их пока не пнешь – вымогать пожрать будут.

Гуси Ксюху знали слишком хорошо, поэтому, пусть и огрызаясь, но выкатились из ограды и нестройной волной потянулись от родных пенатов к пруду в центре деревни. А их хозяйина ждали дела, которые делать – не переделывать. И колонну надо было запустить, пополнить запас стратегического продукта, и табаком заняться, и огород внимания требует.

«Хотя, какое самогонование, света же нет, вилы в руки и на огород. Эх, лучше бы торчал, ни забот, ни хлопот, может – уже и помер где-нибудь от передоза в подъезде.» – мрачно юморнул про себя Егор и взял курс на огород.

На огороде он управился за пару часов, солнце поднялось почти к обеду, досадив грядку чеснока на зиму и запалив несколько куч подсохшей ботвы он засобирався домой, пообедав как со стороны Ая нарисовались два ковыляющих колоритных персонажа: «Рыбачки, по ходу – или тачку в Кулемке засадили на переезде, или аккумулятор сдох. А водяра ещё в наличии, судя по косвенным признакам. Если тачку вытаскивать – калым бате Ксюхиному привалил» – сделал моментальное умозаключение Егор.

Судя по болотным сапогам, это явно были не охотники и Егор, закутив – стал дожидаться, когда они подойдут. А водочная бутылка и полторашка газировки в руках одного из них – как бы намекала, что это не спортсмены на пробежке.

– Здорова, мужики, куда путь держим, случилось чего?

– Здорова, братан, случилось! У нас цыгане машину угнали!

Тут Егор понял, что недооценил масштаб трагедии, тут не аккумулятором севшим пахнет. А перепоем, а то и белкой.

– Какие цыгане? Откуда? У меня брат участковый, разберемся! Как поняли, что цыгане?

Какие, какие, одичалые совсем! Мы, значит, как обычно, на горе перед спуском оставили тачку, загрузились снастями и к реке спустились. Всю ночь закидушки ставили, налим как с ума сошел ночью, мы полный садок набили. Ну отметили на радостях и вырубались. А утром похмелились, пошли закидушки сматывать – опять на каждой по налиму! А на одной – динозавр! Кило на шесть, а то и на семь!

«А ведь реально белка, – загрустил он, – ладно цыгане, но полный садок налимов, да ещё и килограмм на шесть экземпляр. Лишь бы не буйными оказались, надо к братану их. И в город, на вязки, под капельницу. А может и обжабались даже чем-то, тут тебе и цыгане, и налимы из книги рекордов, главное – не спорить с ними. Не провоцировать.»

– Молодцы, чо, пошли, к брату вас отведу, он вам поможет с цыганами разобраться. Да и налимов бы надо прибрать, на улице то теплынь, подтухнуть могут.

– Да чего налимам сделается, они в садке, в воде. Мы к машине и поперлись с утра, чтоб безмен взять, проверить, на сколько вытянет красавец этот.

– На литр забились! Я говорю, что к семи ближе, Лёха, что пять с небольшим. Будешь?! – Ткнул он в Егора бутылкой, в которой плескалось ещё больше половины. – У нас ещё есть!

– Да! Нам как цыгане кнутами вломили, мы к лагерю сбежали, палатку свернули, вещи собрали и в овраге все припрятали. А водку даже прикопали, с собой только три пузыря взяли. А машины нет уже, угнали! Мрази! – Выплескивали свои эмоции рыбаки на ходу.

«А ведь не похоже на делириум тремс, – всё больше убеждался Егор, – тот то на фоне отмены алкахи. а эти тепленькие уже. – тут или грибы замешаны, или синтетика какая. Нормально их тарасит. Может, попросить отсыпать?»

Так, коротая дорогу за непринужденной светской беседой они добрались до дома Серёги. Тот сидел у самовара, а во дворе, у летней печки – хлопотала его жена, Маша, что-то готовя. Судя по дымкам во дворах и кое-где из труб – народ не стал ждать милости от электриков. Генераторов на всю деревню было штук пять, зато печки – у каждого. Газификации деревни не было пока даже в самых оптимистичных планах развития села, зато рядом лес и у каждого

во дворе поленница с изрядным запасом дров. Даже у маргиналов. А тот, кто пренебрегал элементарными навыками самосохранения – зимой попросту вымерзал.

- Что ты их ко мне привел? – неласково встретил их после вчерашнего участковый.
- Пусть сами расскажут, там детектив с налимками и конями...

И они рассказали. По мере повествования Серёга насупливался всё больше и больше, а после ответа на вопрос: «Как вы поняли, что вашу машину угнали?» – услышал: «Начальник, так это они машину угнали, а на том месте свои вигвамы поставили, овец там стадо пасется, цыгане эти наглухо отбитые, на понях каких-то мохнатых, с луками, кнутами нас как давай ху.рить, мы и свалили!» – вдруг вскочил и заорал: «Так, тихо! Сидеть здесь, никуда не уходить!» – после чего быстрым шагом метнулся в дом.

Пробыл он там недолго, выскочил чертиком из табакерки, уже по форме, с табельным в расстегнутой кобуре, одной рукой поправляя наручники на ремне, второй засовывая в карман связку пластиковых стяжек монтажных. На ходу бросив незадачливым рыбакам: «а карликов, карликов там не было?! – схватил Егора и увлек его за угол дома, не обращая внимание на оправдания потерпевших:

- Начальник, какие карлики, там цыгане!
- Нам бы машину вернуть, гражданин начальник!

За углом он подозрительно посмотрел на брата и с укоризной произнес: «Егор, опять?! Сорвался? Чем ты их накормил? Сам то трезвый, или с ними жрал?!»

Тот психанул: «Да иди ты! Я их сам сегодня первый раз вижу! Со стороны Ая пришли, такую же ботву затирали с самого начала, налимы гигантские, цирк цыганский на лошадях. Не знаю, чем они закидывались, но на водочку идеально легло. Я их сразу к тебе, вроде не буйные, их пока тарашит – с ними не спорить лучше. И это они пока не буйные, мало ли что им в следующий момент в голову втемяшится, лучше их изолировать, как по мне. А то знаю я этих наркоманов...»

Серёга на своем месте уже несколько лет сидел не зря, поэтому и принимать решения, и претворять их в жизнь умел молниеносно. Да что там говорить, начальство его не просто ценило и закрывало глаза на многое (эксцессы были, как без них, не робот всё таки), а понимало, что без него в деревне вновь воцарится хаос и период безвластия, как при крайнем участковом. Который мало того, что попустительствовал мелкоуголовному элементу за мзду, так ещё и сам оказался втянут в аферу с расхищением остатков совхозного имущества и кражей двадцати тонн зерна с территории преобразованного из совхоза агрохолдинга.

Дело, по итогу – замяли, участкового этого то ли уволили, то ли куда-то перевели. Назначение Серёги здесь пришлось в кассу, правовое государство в отдельно взятой деревне он, конечно, не построил, но порядок был. И народ Серёгу уважал, побаивался, ибо кто у нас без греха, все под статьей ходят, а то и под несколькими – но уважал. И в случае неприятностей серьезных или беды, не дай бог – шел к нему. Тот хоть в морду мог дать сгоряча, зато за дело, и не было такого, чтоб зазря тиранил.

– Так, ладно, пойдешь со мной, поможешь мне их до конторы довести, к Председателю. Тебе они вроде доверяют. Пошли! – Бросил Серёга брату.

В конторе он выдал мужикам два листа бумаги, ручку, одну на двоих, провел в кладовку, которую, бывало – использовали как холодную. Окон в ней не было, двери стояли капитальные, из лиственницы.

– Начальник! – Почуяли неладное горе-рыбаки. – Нам бы машину вернуть, а нас то за что!?

– Так, сидите тихо, пишете объяснительную, что пили, сколько, когда заметили пропажу машины, всё детали!

– Так «пять озёр» мы пили, из красно-белого, а это то тут причем, у нас машину угнали, побои нанесли!

– Это многое объясняет, я когда раньше из кб спиртное пил, тоже всякое видел. Качественный продукт надо употреблять, сделанный прямыми руками! И никаких индейцев на понях и с карликами! В ваших же интересах протрезветь, сейчас буду разбираться, возможно, придется вызвать эксперта из района и оперов. А тут вы, по синей дыне! Давайте алкачу сюда! Сидите тихо, не буяньте, следствие разберётся!

С этими словами Серёга закрыл массивную дверь, накиннул навесной замок и повернулся к Егору: «Уф, обошлось, пусть посидят, в себя придут»

– А ты сейчас куда, Серёга, на место преступления? – Полюбопытствовал Егор.

– На какое место преступления?! Цыган диких искать? Или налимов гигантских? Стоит их машина на горе, как стояла. Проспятся, отойдут и заберут, оттуда, где оставили. Мне только буйных в деревне с белкой на свободе не хватало. Давай по домам! Мне ещё сегодня надо несознательных наших согнать на медосмотр, алкашей да гастарбайтеров. А то прописаны, висят на балансе мертвым грузом, а сознательности никакой...

Они вышли из конторы, возле которой сегодня было особенно многолюдно – мобильный ФАП (для которого отсутствие электричества не было проблемой) с бригадой врачей ударно обрабатывал оставшуюся часть податного населения, принимая болящих и отсортировывая здоровых. Хотя откуда в наше время здоровые, есть недообследованные, а идеально здоровых не существует. Постояли, покурили, пообщались с народом и разошлись по домам, благо – с медосмотром отстрелялись ещё вчера, одними из первых.

А врачи, обработав вчера большую часть населения – торопились сегодня закончить. В сроки укладывались, к вечеру планировали загрузить ПАЗик обещанными деревенскими ништяками и отбыть. С утра обследовали небольшой коллектив агрохолдинга, которых привел Анисим, потом потянулись пенсионеры, после обеда Председатель обещался загнать оставшихся, из люмпенов и нескольких пастухов, которые были на выпасе.

Отделение агрохолдинга здесь было небольшое, но значимое – помимо полей, зернотока и небольшого зернохранилища, овощехранилища (оставшихся ещё с советских времен), в деревне находилась конюшня, краса, гордость и любимое хобби руководства. Табун был голов под сорок, причем с пяток лошадей были какими-то особо породистыми, неоднократно выступали на скачках в Башкирии и нередко привозили домой призовые места с сабантуев.

Помимо этого был гараж теплый, кузня небольшая при нем, слесарка аж с несколькими станками. Всё это ещё со времен совхоза, то есть – построено на века и основательно. Несколько тракторов в этом гараже в наличие тоже имелось. И небольшой филиал нефтебазы, с несколькими емкостями, под бензин и д\т.

В святые девяностые всё курочили и растаскивали с остервенением, но всё не осилили, а потом на базе совхоза образовался агрохолдинг, процесс распада прекратился и повернулся вспять. И что характерно, при новом рачительном собственнике – народу в агрохолдинге было задействовано не в пример меньше, чем в совхозе, но продукции на гора выдавалось больше, овощи не гнили за зиму, скотина не голодала. Естественно, на жизни простых работников, в отличие от руководства это особо не сказалось, миллионами в полях и на ферме никто не ворочал.

Но за работу держались, зарплату выплачивали стабильно, а по сезону ещё и за переработку. Плюс, хоть масштабы расхищения казенного имущества по сравнению с временами союза снизились в разы, но всё таки были, что являлось существенным подспорьем для деревенского быта. Скотину держали почти все, поэтому халевные корма были как нельзя кстати, а на небольшие хищения без цели перепродажи руководство закрывало глаза, списывая эти мелочи как неофициальную тринадцатую зарплату.

Так что из работников агрохолдинга осталось обследовать только двух конюхов с дальнего выпаса (в паре километров от деревни, которые как раз и пасли породистую пятерку из табуна), которых Анисим обещал прислать после обеда, заменив их уже прошедшими комиссию. А пока медики приступили к увлекательному квесту: «обследуй трёх человек и найди один цирроз печени первой стадии и два алкоголизма второй степени». Это подошла протестная часть населения деревни: ситуативные хиппи, стихийные анархисты и прочие маргиналы, шатающие систему.

С ними подтянулись и два брата-гастарбайтера с семьями, приехавшие в деревню откуда-то из Средней Азии, в рамках программы переселения соотечественников. В деревне они уже жили третий год, поначалу новые соотечественники по русски практически не разговаривали, официально нигде не работали, кормились приусадебным хозяйством, скупкой с осени по весну картошки за дешевую казахстанскую контрабандную водку у любителей заложить за воротник. Планы по экспансии деревни, которые у них наверняка были изначально – пресёк на корню Серёга и держал их с тех пор на карандаше, не давая разгуляться.

В частности, их инициативу по организации нелегальной скупки металлолома задарма он задавил в зародыше. Попытка братьев подключить к решению своих проблем с участковым диаспору из города окончилась пшиком в буквальном смысле этого слова. Приехавшую пятерку смуглых бородачей на тюнингованном по гланды хачмобиле встретили довольно тепло, под наставленными на них ружьями подтянувшихся равнодушных охотников бородачи дисциплинированно выгрузились из машины и провожаемые поощрительными поджопниками бодро проследовали пешком до села. Девять километров они преодолели за полтора часа, там дождались рейсовой маршрутки и были таковы.

Но обещали вернуться. И ведь вернулись. За машиной. С извинениями. А с машиной получился пшик, ей все четыре колеса пробили, варварски. Подозрение пало на двух хулиганистых школьников, «русских фашистов» Рашида и Фаниса, которые уже принимали участие в конфликте с детьми мигрантов. Русскими фашистами их заклемила жена одного из братьев, когда ездила в село разбираться со школьной администрацией, по причине побоев у своих детей. Педсостав в ответ выкатил свои претензии и всё это могло вылиться не то в административку, не то в уголовку, но к счастью – дети разобрались сами. В результате дети мигрантов стали сносно изъясняться на русском, подтягивать родителей и давали надежду на свою воз-

можную дальнейшую успешную социализацию в рамках законов, в отличие от упорствующего в своих заблуждениях старшего поколения, застрявшего в рамках парадигмы средневековых отношений. Конфликты в школе прекратились. И да, Фаниса и Рашида дети гастарбайтеров с тех пор крепко стали уважать.

Так что врачам, занятым сейчас работой с таким контингентом можно было только посочувствовать. Хотя они справлялись и не церемонились, да и колоритная публика, проникшись профессионализмом врачей, их подходом и имиджем – вела себя прилично, права не качала, рецептики выписать и спирта налить не просила. Очередь пациентов уже шла на убыль, уже обследованные у конторы не задерживались и расходились по свои делам, так что появление двух всадников бомжеватого-щеголеватого вида на невысоких, но бодрых лошадках непривычного вида – ажиотажа и удивления у немногочисленных свидетелей не вызвало...

Несмотря на теплую погоду одетые в тюбетейки, подбитые лисьим мехом, какой-то невообразимой пестроты халаты, всадники не производили впечатления ряженых клоунов. А луки за их спинами не походили на красивые поделки реконструкторов, как-то сразу, глядя на них – приходило понимание, что из этого вот лука, неказистого с виду – привычней убивать, чем развлекать публику на фестивалях. В общем, желания подшутить над их внешним видом, появление всадников ни у кого из присутствующих на площади не вызвало.

А чуть ли не родственное сходство главного из гарцующих на лошадках (судя по более богатому, по сравнению с другими наряду) с отцом школьника-хулигана Фаниса, кузнецом Расулом, (обычно мастеровитого и добродушного, но буйного и неукротимого в подпитии), предостерегло находящихся на площади возле ФАПа от необдуманных поступков и язвительных комментариев.

– Кто такие? Мордва? С казенного завода? Государевы люди есть? – на ломаном, но понятном русском требовательно поинтересовался так поразительно похожий на Расула старший.

– Там начальство, там! – облегченно загомонили люди, тыча пальцами на мобильный ФАП и внезапно вспомнив, что у них есть свои дела и сюда то они, собственно, пришли под давлением административного ресурса – поспешили рассосаться.

Наездник продефилировал к ограде, спрыгнул с лошади и решительным шагом направился к ПАЗику. Несколько человек, стоявших в очереди – невольно расступились, из автобуса как раз вышел очередной пациент, замешкавшись на пороге, где его оттолкнул наш дерзкий башкир в странном наряде и зашел внутрь.

Внутри мобильного пункта он не то чтоб подрастерял апломб, а попросту остолбенел, с удивлением озираясь по сторонам. Тут же был взят в оборот не желавшими терять времени врачами, раздет. Облеплен датчиками кардиографа и засыпан вопросами. В процессе опроса и медосмотра футурошек, в разной степени, испытали все участники.

– Жалобы есть? – Угрожающее спросил хирург, и тут же обратился к коллеге гастроэнтерологу: «Посмотрите, Марина Сергеевна, вот он звериный оскал капитализма, просило начальство особенно внимательно отнестись к пастухам, которые придут в последнюю очередь, а он мало того, что синоним антисанитарии, так тут ещё и педикулез! Посмотрите и выдайте пациенту шампунь, у нас, слава богу, полный комплект. Первый случай в этой локации. Поразительно, какой контраст, в черном теле держат пастухов!»

– Я не пастух, я бий! – дерзко возразил приходящий в себя и осваивающийся пациент, – у меня двести лошадей, три жены! По цареву указу нам мишари, мордва и русские, кто на нашей земле селится, нам платят! А это не завода земли!

– Это не к нам, – примирительно сказал эндокринолог десантник, – по вопросам имущественным и хозяйственным к председателю обращайтесь. Вот вам четыре флакона шампуня, от вшей, мойте голову и тело сами, и жен всех троих обработайте.

Заметив недоумение посетителя при виде шампуня, хирург обстоятельно втолковал ему. Что это такое, как открывать и пользоваться. Убедившись, что пациент всё понял – совместными усилиями, через пень-колоду, выяснили его ФИО и отпустили слегка ошалевшего Азата Айлулла на свободу. Так и не поняв, Айлулла – это отчество или фамилия, вписали Айлулла и в графу отчество, и в графу фамилия.

– Не доведет до добра миграционная политика, – удручающе констатировал эндокринолог, – тридцать три года, как советской власти нет и вот такие вот люди встречаются на Урале. Да у нас в роте узбеки после КМБ устав караульной службы рассказывали, только от зубов отскакивало...

А вышедший из ПАЗика Азат, довольно распахивая по недрам халата флаконы с шампунем от педикулеза, ловко вскочил в седло, повелительно крикнул своему спутнику: «Алга!» – и они резво ускакали в сторону границы с Башкирией, в сторону Могузлов...

Глава 3

К вечеру по деревне поползли тревожные слухи, которые впрочем, тут же подтвердились. Началось всё с врачей, которые загрузили ПАЗик овощами, несколькими тушками куриц, салом, в общем всем, что выделил им Захар Михайлович и поехали, взяв курс на село, а через него и в райцентр, Однако, через два километра, аккуратно перед Хазанским логом – насыпь асфальтированной трассы обрывалась, как отрезанная ножом и дальше вместо дороги стеной стоял кустарник. Линия электропередач тоже пропала, со стороны деревни стояли два столба, с которых сиротливо свисали обрывки проводов, а дальше – ни дороги, ни столбов. Эндокринолог Олег, по совместительству водитель, как бывший десантник – слез с насыпи, походил по кустам, констатировал: «Не, мы тут не проедем, поехали обратно, по проселочной на Могузлы уедем.» На что не последовало никаких возражений, все хотели домой и каким образом туда попасть – неважно, хоть через Месяпутово.«

Вернулись в деревню, заехали к Захару, рассказали о пропавшей дороге и оставив того в недоумении, и не задерживаясь – попылили по шоссе на Могузлы, рассчитывая там перебраться на асфальт и напрямик домой, в Сатку. Но и там, проехав пару километров – увидели то же самое, и тут рационалистическое мышление врачей, не склонных к мистике, впервые дало сбой. К тому же, здесь масштаб трагедии был более заметен, рыжая стерня сжатых полей вдоль дороги со стороны деревни сразу после того места, где кончалась дорога и обрывалась линия электропередач – резко контрастировала с обступавшим их неровным полукругом степью с кустарником и смешанным перелеском. А на обочине дороги восседал на лошади их недавний пациент, Азат Айлулла, присматривая за копошившимся у столбов с проводами четырьмя, по всей видимости, соплеменниками, одетыми гораздо беднее.

Четыре их лошади паслись за невидимой чертой, отрезавшей деревню и окрестности от цивилизации, там, где вместо стерни рос кустарник и стеной желтели заросли травы, трое башкир обступили ещё стоящий столб, наблюдали за тем, как один из них деловито тюкал топориком, видимо – намереваясь его свалить. Четвертый заканчивал сматывать провод с уже поваленных двух столбов.

Увидев столб пыли от несущегося по дороге ПАЗика, они было опасно стали отступать к лошадям, сдернув с плеча луки, но после повелительного окрика Азата, узнавшего странную карету лекарей без лошадей, в которой ему сегодня подарили так вкусно пахнущий шампунь – продолжили работу, время от времени настороженно оглядываясь.

Врачи, внезапно, стали о чем-то догадываться, Марина и акушерка Света не спешили выходить из машины, с оторопью поглядывая на беззастенчивых расхитителей цветмета, а Олег и Толя вышли на дорогу, встречая Азата.

– Азат Айлулла, – укоризненно обратился к нему хирург Анатолий, – что ж вы так варварски провода срезаете, казенная собственность, всё таки!

– Как казенная!? – Внезапно занервничал тот. – Это наша земля! Казенная, это заводы, Сатка, Златоуст. А здесь мы! Хорошая веревка, крепкая, надо забрать, пока с Айле не знают и мордва!

– А какой сейчас год, уважаемый, не подскажете? – спросил Олег.

– Не знаю, – Азат слез с коня и держа его в поводу, обошел ПАЗик и разглядывал глушитель. – Оседлые мы, отец у меня бунтовщика Емельку воевал с Белобородовым, Сатку жег,

я тогда ещё не родился. Верхние Тыги наше становище! А вы кто, когда здесь поселились? Баксы* сегодня камлать будет, завтра приедем и всю эту веревку заберем! И гонца отправим, на завод, про вас обсказать!

После этого Азат что-то скомандовал своим, те шустро собрали мотки проводов, приторочили их к седлам и мерно потрусили прочь.

– Это какой-то розыгрыш или постановка, – подумал вслух Толя, – такой дичи просто не может быть...

– Ага, млять, съемочная команда программы розыгрыш лично вот это всё руками перекопала, деревья и кусты пересадила. А Азат, это загримированный Киркоров! – Резонно заметил Олег. – Давайте к своим, в деревню, надо хоть предупредить, а то начнут с проводов, а закончат мародеркой с изнасилованиями. Эти вот, оседлые, с педикулезом.

Олег сел за руль, развернулся и дал по газам спеша озадачить председателя, ещё не переварившего новость о потере дороги к деревне и городу – новыми вводными...

Обстановка в деревне, и так напряженная из-за отсутствия электричества – стала накаляться ещё больше. Народ подспудно понимал, что происходит какая-то непонятная херня, но что именно происходит – не мог понять никто. После известий от врачей – началось массовое паломничество в сторону Хазанского лога. Желающих исследовать местность за пределами оставшегося куска трассы и столба, со свисающими обрывками проводов – не нашлось. Дороги дальше не было, а бить ноги, продираясь сквозь кусты – дураков не было. Вернувшиеся исследователи несли информацию в массы, главное, что уяснили все – электричество всё.

Пока хватило и этого, для паники. Коллективное бессознательное стихийно выразилось в том, что женщины начали изыскивать пути того, как сохранить содержимое холодильников и морозильников, а мужики стали сбиваться в компании, пытаясь найти ответы на извечные вопросы: кто виноват и что делать. Братья Шухвактовы, распродавшие к утру больше половины паленой водки и ещё не знающие о внезапном катаклизме, который потрясет всё – довольно потирали руки. А народ массово жрал и пил, ели – чтоб не испортилось, а пили – глуша беспокойство и тревогу.

Пили и у Председателя, во дворе рдел углями мангал, стоял тазик с верхом набитый мясом из приказавшего долго жить морозильника, стоял загнанный сюда ПАЗик врачей, а за вынесенным столом сидела элита деревни и врачи, поневоле оказавшиеся заложниками сложившейся ситуации. В то, что деревня оказалась провалившейся в прошлое, не то чтоб не верили – не хотели верить. Да и однозначных фактов пока не было. Так что толкли из пустого в порожнее, высказывая свои предположения и пытаясь выработать стратегию дальнейшего существования. Ничего не вырабатывалось, в умах царили разброд и шатание.

Подошел злой как черт Егор, появление которого встретили нестройными, но приветственными возгласами, и не зря, пришел он не пустой. А со своей фирменной настойкой и пакетом замаринованного мяса, кило на три. Он, впрочем, радость встречающих не разделил, и сходу выложил свои беды и горести:

– Сука! Морозильный ларь на сто тридцать литров, почти полный забит заморозкой по пакетам! Там и перцы, и цветная капуста, и горошек, и всё! Ягоды, хусним, завтра на бражку

поставлю, а ведь овощи, старался, вакуумировал, мне бы их до следующего лета хватило, как в том году, ещё бы и братану подгонял, и соседей угощал. Придется гусям скормить...

– Эх, Егор, – прониклась его бедами жена Захара Татьяна, в отличие от остальных, которым на овощи было насрать. Врачи оказались в непонятной ситуации, без дома и близких. У Председателя и Серёги, как лиц, облегченных властью, проблемы были глобальней. – Всё таки соленья и закрутки надежней, не зря я упихивалась. Даст бог, перезимуем.

– Перезимуем, – вздохнул Егор, – тетя Тань, я тут мяса принес, замариновал наскоряк, один черт пропадет, но гляжу, у вас и своего девать некуда.

– Да не говори, и кошки обожрались, и собаки. С утра тушенку буду варить закатывать, у тебя если есть банки стеклянные и мясо ещё – неси, и на тебя сварю. Ох, что-же дальше будет, слышал, небось, про башкир диких?

– Не диких, а оседлых! – менторским тогом заметил хирург, – вотчина у них, я так понял. На месте Верхних Тыгов. А вместо села аул Айле и поселение мордовское. Если допустить, что мы каким-то образом попали в прошлое, что в никакие рамки не лезет, сейчас время правления Екатерины второй, она же Великая. Но это в рамках гипотезы.

– Постойте, – вскинулся Егор, – вот как раз в ту ночь, когда ужасом, летящим на крыльях ночи всех накрыло, Ксюхе её Ванька звонил, что-то сказать хотел, не то нам всем хана, не то ещё что. То ли предупредить хотел, то ли что-то сказать, она не поняла толком и тут как раз свет вырубил, связь и мне лично так поплохело, что думал помру.

– Это Потапов что-ли? – Подключился Серёга, – Он, если не ошибаюсь, на СВО старшего сержанта получил, за ум взялся! Были у меня опасения, что по нему колония плачет, не оправдались, слава богу!

– Он, он, – подтвердил Егор, – Он в Чебаркуле сейчас, с ротации готовится к отправке снова туда, а там воинская часть серьёзная. Танковый полигон точно есть, а то и ещё чего, под грифом секретно. Челябинский метеорит помните? Вот, тогда весь мир гудел, обсуждая новость, а знающие люди, прикинув с линейкой траекторию по карте, лишь понимающе хмыкнули! Может, если действительно что-то такое случилось, что мы в прошлом, то всему нашему миру того, ядерный апокалипсис?! О чем-то же он хотел предупредить Ксюху, ещё что-то про деревню говорил... – добавил задумавшись.

– Весь мир в труху! – Провозгласил с озлоблением водитель-эндокринолог Олег, которому не давали покоя мысли о семье, а в свете возникших обстоятельств и их судьба. – Давайте выпьем за этого Ваньку и за наших вояк! Не знаю, что будет завтра, но я в наших верю! Не могли они просто погибнуть, наверняка такую обратку дали, что всё, никого не осталось! И нас спасли, случайно. Или божьим промыслом. За ВДВ!

Звякнули стопки и все сосредоточенно задвигали челюстями. Несмотря на сгущающиеся сумерки, и отсутствие электричества – деревня не засыпала. То тут, то там зажигались костры, по всей деревне одуряюще несло шашлыками, слышались голоса, влаивали собаки, которым передалась нервозность людей.

Серёга! – вдруг озарила Егора мысль, мелькавшая у него в голове весь вечер на периферии сознания и только что пойманная, – А ты рыбаков то не заморил в конторе?! С обеда, считай, сидят под замком. Получается, они ни за что под раздачу попали, и машину потеряли и оказались непонятыми. Я так думаю, что они башкир за цыган приняли.

– Собака серая! – сконфузился участковый, – Забыл про них, с этим вот всем. Так то ведро у них там стоит, но да, надо выпустить.

– Веди их сюда, – добавила сердобольная тетя Таня, – накорми хоть, оголодали небось взаперти. Всё равно, столько всего пропадает, всё не собак кормит. Да они не жрут уже, вон, лежат кверху пузом.

Народ украдкой бросил взгляд на не уменьшающуюся гору в тазик у мангала, где Анисим набивал очередную решетку мясом. Лежащие у забора две хозяйские лайки, похожие на овальной формы воздушные шарики виновато отводили взгляд, как бы говоря: «да, виноваты, хозяйка, но больше не можем, прости!» Где-то ещё в доме отсыпались до таких же кондиций отъевшиеся кот с кошкой.

Незаметно опустилась ночь, на небе высыпали по осеннему крупные звезды, от пруда заметно потянуло зябкой прохладой. Недалеко, на другой улице через пруд, у кого-то их механизаторов загорелся свет во дворе и оттуда донеслись ликующие крики, заглушившие негромкое тархтение генератора.

– Пойдем, Егор, поможешь, выпустим рыбаков, фонарик то с собой? – Обратился Серёга к брату. – Неудобно получилось, конечно...

– С собой то с собой, только аккумуляторы скоро заряжать нечем будет, у меня к генератору пол канистры бензина, двадцатилитровой, осталось. И ректификата больше не будет, если тока не будет.

Егор машинально стал прибедняться, бензина у него на самом деле было шестьдесят литров в трех железных канистрах и ещё почти пять литров в пластиковой. А уж выгнанного ректификата было с запасом, он цену своему продукту знал, ценил и больше занимался этим из любви к процессу, придумывая и воплощая в жизнь различные виды настоек. Даже бочонок на тридцать литров имелся, из липы, правда, но зато внутрь он накидал настоящих обожженных дубовых щепок, по идее – должен был получиться аналог виски. Полтора года уже настаивалось. Даже по предварительным прикидкам Егора, как минимум литров сто пятьдесят в виде различных настоек, а то и под двести было у него припасено по закромам, как у той белки, что и сама не помнит, где что спрятала. Осознание этого грело душу...

И не то, чтоб он до конца поверил в перенос – какой нормальный человек в такое поверит, до тех пор, пока его не поднимут на вилы крестьяне или не выпорют на конюшне, но на всякий случай прикидывал свои активы, что у него есть и чем он может оперировать. В России всё таки живем, тут надо быть готовому ко всему. И всё равно – жизнь так озадачит, что окажешься не готов.

Рыбаки, на удивление – сидели тихо, не ломались на волю, не требовали адвоката. Либо прониклись атмосферой темной кладовки, либо, что скорей всего – мучились жестоким похмельем от «пяти озер», утратой машины и неопределенностью. Освобождению обрадовались, а уж когда их накормили – совсем ожили, насев на окружающих со своими бедами. Обоим с утра надо было на работу, хотя хозяина машины, экскаваторщика Александра не сколько волновал вероятный прогул, сколько судьба украденной машины. Тут то их и огорошили, вывалив всё то, что было известно на данный момент.

Тут утренняя ситуация повторилась зеркально, теперь уже рыбаки стали подозревать, что деревенские если и не шизанулись на отличненько, то переборщили с выпивкой. Особенно их пугало то, что представитель власти в лице участкового не только не пресекал подобную шизофрению, но и потворствовал этому безумию, нагнетая обстановку не хуже остальных поехавших. Ещё и врачи, люди в белых халатах не вязали рассуждающих о переносе в прошлое, а тоже на полном серьёзе участвовали в дискуссии.

Если бы не ночная пора и темнота за пределами двора, хоть глаз выколи, освещаемая лишь костром (где пережигали на уголь поленья для мангала) и диодным светильником над столом – они бы лучше подались к реке, к спрятанной в овраге палатке и вещам, тревога за которые терзала сердца. Так что на всякий случай они старались держаться вместе и на дистанции, насколько это возможно, от гостеприимных хозяев. Айрат, работающий на том же заводе, что и Саня, по мере того, как стал осознавать, что несут окружающие – не выпускал из руки вилку из нержавеющей стали.

А разговор, в уже изрядно принявшей на грудь компании – окончательно свернул на тему переноса в прошлое и тут Егор, собаку съевший как на зомбях и постапокалипсе, так и на попаданцах – нашел достойного собеседника в лице хирурга Толяна, который тоже был не чужд и особенно уважал Берга.

– Ты чо, -махал наколотым куском шашлыка на вилку Егор, – у Берга в «Лёхе» самая зачетная сцена, это где Лёха панцершоколада сожрал, с первентином! Я вот тоже думал, хорошо бы попасть во времена СССР, в деревню куда-нибудь. Я бы ветеринаром пошел. Анисим, а правда при союзе у вас опиум был в литровых бутылках, пятипроцентный? Такую страну просрали!

– Правда, – подтвердил Анисим, – только тебя, Егорка, таким макарон быстро бы определили из ветеринаров на Бакал, на зону всесоюзную для таких, увлекающихся. А не как при Путине, на год в санаторий.

– Это не санаторий был, а ребуха! Реабилитационный центр, не тюрьма, конечно, но и не санаторий! – Вскинулся Егор.

– Ладно вам, – примирительно сказал Толя, – а как тебе, Егор, «пятнадцать ножевых»?

– Зачет! Первую читал! А дальше не интересно, там всё предсказуемо, в этой жвачке.... – Подтвердил уже тёплый Егор, – Только переборщили они!

– Это где они переборщили!? – Возмутился Толя. – Я, как врач, удовлетворен, ляпов нет, планку держат!

– А я говорю, переборщили! – не унимался Егор. – С названием переборщили, сугубо имхо, куда нафиг стока, пятнадцать ножевых, ему бы и пяти хватило!

А участковый, с Захаром, не принимавшие участие в литературной дискуссии, были озабочены совсем другим. Участковый прислушивался к тому, как шумела обычно тихая в это время деревня, исключая свадьбы, праздники и иные мероприятия, связанные с повышенной травмоопасностью и риском возникновения ситуаций, трактуемых уголовным кодексом однозначно. Что для обычного человека праздник, для полиции тяжелая и опасная работа. А на Захаре Михайловиче лежала ответственность за всё поселение и в обычное время, что уж говорить про ту непонятную ситуацию, которая сейчас складывалась.

– Знаешь, Михалыч, надо с такими посиделками завязывать, пока ситуация не прояснится, – донес свою мысль Серёга, – а то что осёдлые, что немирные, нагрянут с дружеским визитом и не только последние провода срежут, а скотину со двора сведут и хату обнесут подчистую.

– Запросто, – согласился Председатель, – не знаю, в прошлое мы попали, в параллельный мир, в эксперимент какой, но если тут такой народ вокруг, что среди бела дня столбы рубит, чтоб провода ободрать и машины ворует на лошадях, нас за зиму вырезать могут под корень. Мы тут, считай, неприлично богатые, пришлые, а раскулачить таких не грех. Надо бы завтра мужиков собрать надежных, охотников, у кого ружья есть. Ну и тех, на кого надежда есть.

– Надо, обязательно надо. Да и ружьишки, как ты знаешь, помимо охотников тоже кой у кого есть. Как чуял, не лютовал. И мне в этой деревне жить, и повернуться по всякому может.

Вот оно и поворачивается, скорей всего. Давай, Захар Михалыч, расход играть. А я пройду ещё по деревне, кого стоит – предупрежу, что собратся поговорить надо. Да и показаться народу, для острастки. Что-то деревня кипит, как бы не крышку не сорвало или не сожгли чего...

Врачей опять пристроил к себе Председатель, рыбакам-заводчанам выделили место на летней веранде, где они наконец-то обрели сегодня покой, а остальные разошлись по домам. Кроме Серёги, который обошел деревню на предмет профилактики правонарушений, кое-кого позвал встретиться, посидеть, обдумать как жить дальше.

Да Егора с пьяных шар занесло неведомыми путями вместо дома к Ксюше, где она сначала спросоня долго не могла понять, чего ему от неё надо. А тот с жаром рассказывал, какой её Ванька герой, как он спас деревню. Потом его мысли пошли совсем причудливыми путями и он заявил, что и он сам, и его генератор, и тем более гуси, которых никто спрашивать не будет – всегда к её, Ксюшиным, услугам. И наконец, когда он запутавшись в собственных мыслях, впал в косноязычие и выдал: «И ваще, Ксюха, я всегда здесь, ты меня знаешь. Я за тебя, ух, хоть кого порву!» Ксюха польщено захохотала: «Рвальщик, блин! Иди проспись, Егор, ты подкатить решил что-ли? Ахахаха!»

И Егор, уязвленный в самое сердце, пошел домой в весьма мрачном расположении духа. С твердым настроем: «Ксюху – нахер, а гусей, как морозы – всех под нож!»

Примечания:

*Баксы – шаман у башкир

Глава 4

По фене ботаем, нигде не работаем...

После полуночи небо затянуло тучами и настала такая беспросветная тьма, которая бывает лишь поздней осенью. Народ постепенно угомонился, похолодало, потянуло сыростью и все окончательно расплзлись по домам, деревня погрузилась в сон и у домов, где недавно кипел праздник жизни – помигивая, затухали угли костров, подергиваясь пеплом. Не огни, ни взлай собак не беспокоил окутанную дремотой тишину.

Уснули почти все, хотя у большинства это был не сон, а потеря сознания, вызванная алкогольной интоксикацией. Но были и те, кто в эту ночь не спал...

На площади у конторы слева притулился небольшой дом, в котором и при советах, и в девяностые, и сейчас – был единственный на всю деревню магазин. Несмотря на его небольшие размеры, он вполне удовлетворял насущные потребности, три раза в неделю привозили из села хлеб, там было практически всё, что нужно, от батона до гондона. Ещё магазин был неофициальным деревенским клубом, своеобразным кружком по интересам, куда приходили не только что-нибудь купить, но и зацепиться языками, узнать последние деревенские новости, выйти в свет, так сказать.

Если чего нужного не было в наличии, всегда можно было заказать продавщице Галке, она же и хозяйка, та звонила и передавала просьбу поставщикам и те в течении нескольких дней привозили требуемое. Так как помещение магазинчика было небольшое, основной склад находился на подворье у Галки, под надежной охраной двух псов и её мужа, который работал в деревенском филиале агрохолдинга механизатором, и имел два уважаемых и понятных хобби – охоту и рыбалку.

А заштатный с виду магазинчик, помимо того, что был культовым сооружением и даже местом силы, своей нелегкой жизненной судьбой напоминал зицпредседателя Фунта. Подобно Фунту, который сидел при всех императорах, временном правительстве и продолжил эту порочную практику при советской власти, магазин с завидным постоянством, то раз за год-два, а то и по два раза за лето – обворовывали.

В него залазила и местная молодежь, и приبلудные пионеры из лагеря труда и отдыха, которой был при советах в соседнем селе. Становление всех деревенских, склонных к криминалу – начиналось с обворовывания этого магазина. Нередко случалось так, что добропорядочные жители деревни, загуляв и войдя в штопор, когда душа требует продолжения банкета, а средств нет – поддавались магии этого магазинчика и видя в нем безжалостную жертву, беспощадно вскрывали двери и подвергали его разграблению. Потом, обычно уже к обеду, будучи найденными по горячим следам, недоуменно разводили руками и на вопрос, что же их на это сподвигло, покаянно бормотали: «Бес попутал!»

Да что там говорить, Серёга с Егором, когда им было по пятнадцать лет, на летних каникулах впервые открыли для себя чудесный мир взрослой жизни и ухлестывали вдвоем за приехавшими из города такими же как они малолетними дачницами. За первые два вечера они спустили все накопления свои, заработанные за месяц работы в полях, пытаясь покорить сердца вертихвосток. Потом деньги кончились, положение казалось безвыходным, пока Серёга

не вспомнил, что у соседа в теплице стоит и созревает сорокалитровая фляга браги. После успешной экспроприации фляги они стали героями как для подруг, так и для внезапно увеличившейся компании. Три дня овраг за деревней озаряло пламя костра, в котором жарили картошку на закуску, в бликах света мельтешили фигуры подростков, поклоняющихся Бахусу, а за границей освещенного круга кто-то с надрывом блевал.

На четвертый вечер, когда фляга опустела, а привычка к красивой и легкой жизни осталась, у подростков спонтанно созрел гениальный по своей простоте план и уже после полуночи они совершили дерзкий налет на магазин. Вновь пылал костер, по кругу ходили бутылки с ликером и портвейном, в зубах дымились “More” с ментолом, а белозубо улыбающиеся девчонки искренне восхищались удалью и отвагой добытчиков.

Девчонки оказались более здравомыслящими, чем парни и под утро разбежались по домам. Парней у костра взял с поличными тогдашний участковый, безо всяких специально обученных собак-ищеек, оперативно розыскных мероприятий, и секретных сотрудников. Каким-то образом, не иначе используя дедукцию – он сразу после обнаружения факта взлома направился к оврагу за околицей, в котором вот уже неделю неделю гудела молодежь, о чем все знали.

Девчонки отделались легким испугом, как свидетели, а дело замяли после покрытия ущерба злоумышленниками. Дед Егора с Серёгой, после вынужденной продажи быка и кабанчика, которых откармливал на осень – так отходил их оглоблей, что Серёга зарекся ходить по кривой дорожке и после армии пошел в милицию, стал участковым, а потом и полицейским. А Егор оказался покрепче и упорней...

Но ничто не вечно, и то ли харизма магазинчика подувала, то ли народец измельчал – вот уже два года никто не покушался на него. Но этой ночью всё изменилось. На задах магазина проскользнули две неразличимые в темноте фигуры, только похрустывание облетевших листьев под ногами и свистящий шепот нарушали мертвую тишину: «Ноги поднимай, фули ты шуршишь, обморок тупорылый!?»

Две тени истуканами замерли возле задней двери магазина, постояв так несколько минут, напряженно вслушиваясь в тишину, они наконец отмерли: «Учись, падла, пока я жив!»

Еле слышно звякнула монтировка, вставленная в дужку навесного замка, тени опять замерли, и раздался резкий, прозвучавший приглушенным выстрелом «кракс» сорванного замка, нарушивший ночной покой и вначале брякнул о гравий сорванный отлетевший замок, затем приземлившаяся дужка. Два злоумышленника в черном рухнули, как подкошенные на землю и замерли вновь, но уже минут на десять.

– Вроде тихо всё Федус...

– Ша, дуло залепи, дальше лежим, секи поляну!

Это был звездный час Федуса, в деревне больше известного как «восемь ходок, семь побегов, и всё за мешок комбикорма», неоднократно судимого, давно вставшего на скользкую криминальную дорожку. За его плечами было уже три ходки, правда – по не очень серьезным статьям, с точки зрения лагерных обитателей. Да и в деревне он авторитетом не пользовался, кроме прибившегося к нему пару лет назад недалекого Васи, с которым подряжались на мелкие сезонные работы. То огород вскопать пенсионерам, то дров нарубить, не брезговали и мелким воровством. Курице там голову свернуть в переулке. Так и выживали. Федус тиранил Васю,

давил на него лагерным авторитетом и учил жить по понятиям, а Вася, как ведомый по жизни – воспринимал это как должное.

К этому магазинчику у Федуса были личные счета, с него началась его мелкоуголовная карьера, в попытке взять реванш – он получил условный срок за вторую кражу в этом проклятом магазине. И что самое обидное, условный срок за этот магазин стал реальным, просто Федус запил и перестал ездить отмечаться к инспектору, цепные псы режима демарша не оценили и упаковали его во второй раз, на три года в лагерь.

Несколько лет он держался от этого магазина подальше, но в душе тлела злоба и вынашивались коварные планы. И вот пришло время свести счета, инстинктивно просчитав назревающее в деревне смутное время, Федус понял, что вот оно: «Или сейчас, или никогда!»

Ну а Васю никто не спрашивал, сказали – пошли, он и пошел. На то он и Вася, что на всё согласен...

– Холодно же, Федус, скока можно лежать, – жалобно прошептал Вася, – тихо же, спят все.

– Я тебе сколько раз говорил, что на деле никаких имен и кличек!? Подведешь под монастырь, сямка! – Угрожающе прошипел он в ответ. – Вот теперь пора, пошли!

Коротко взвизгнула открывшаяся дверь и воришки просочились внутрь.

– Так, Вася, тебе два ящика водки, сигареты, а я беру ящик, закуси, мне ещё следы замечать. Перчатки не вздумай снимать, обмудок!

– Да понял я, не тупой!

– Как это не тупой, вместе же в десятой школе-интернате учились, для ЗПР, мне то не лечи! Так, селёдочка на закуску, портвешка обязательно, делюгу отметить, гуляем, Вася!

Так, переговариваясь и переругиваясь от охватившей их адреналиновой встряски они споро набили два мешка, и крадучись вышли. Там Федус распечатал пачку сигарет, перетер их в труху, тщательно посыпал путь отхода, потом надорвал пару пакетов с молотым перцем и пятясь, щедро припудрил свои следы.

– Теперь ходу!

И они крадучись, позвякивая бутылками в мешках – дали ходу. Вначале по переулкам, потом за деревню и в поля, совершать ошибку дилетантов Федус не стал и стремился убраться подальше. Путь он держал в сторону перелеска, там, в паре километров от деревни и в изрядной стороне от дороги на Могузлы был покос соседа, в кустах стоял балаган*, который по осеннему времени никому не был интересен. А вот погудеть там с Васей, отмечая наконец-то посамрамленный магазин – самое то. И никто не догадается!

Под утро сел туман, Вася с Федусом, добравшиеся до балагана – развели костер, накрыли поляну, распили первый флян портвейна и пребывали в благодати.

– Вот, я же тебе говорил, держись меня и будем жить кум королю, – поучал Васю главшпан, – в прошлое перенеслись, мля. Щас вокруг нас башкиры полудикие, да кресты неграмотные, развернемся! Боярами и помещиками можем стать, главное, клювом не щелкать! Эх,

как же неудачно у меня ментозавр наш три года назад ружжо конфисковал, псина. С ружжом то разговор вообще короткий был!

– Так ты же его сам сдал, Федус?!

– Ну как сам, спасибо, что хоть оформил ментяра как самовольную сдачу. Тебе бы так прилетело, всё бы сдал, не только ружжо, поговори мне тут ещё! Мы в лагере таких, как наш мент, под шконку загоняли! – с затаенной злобой высказал он наболевшее.

– Так менты же отдельно сидят вроде, нет?

– Ты чо, самый умный!? Сидят знаешь на чем!? Порядочные арестанты чалятся, а сидят петухи и чуханы!

Всё шло к тому, что скоро в очередной раз Федус даст в тыкву Васе, чтоб втолковать ему элементарные понятия и он даже стал привставать, примериваясь, как половчей тому зарядить, как вдруг кусты, окружавшие полянку с балаганом – бесшумно раздвинулись, оттуда выглянули те, кого вот только что Федус назвал полудикими. Переглянулись, согласно кивнули друг другу, в воздухе свистнули две камчи, обвилились вокруг шей, рывок – и оба незадачливых воришки кулями повалились на спины, засучив ногами.

Пришли в себя Федус с подельником почти одновременно, у обоих на штанах расплывалось по мокрому пятну, под поощрительными взглядами пленивших их они встали и будучи направленными парой поощрительных тычек – порысили через кусты. Метров через триста вышли на полянку, где паслись две лошади, жалобными взглядами проводили свое добро, которое два наездника деловито утрамбовали в через седельные торбы.

Федус интуитивно захотел увидеть участкового, повалиться ему в ноги, подписать явку с повинной и в лагерь. Обоссанные ноги начали неприятно подмерзать, что добавляло дискомфорта в и так не комфортную ситуацию. Споро упаковавшись, всадники накинута на шею теперь уже не фартовым воришкам, а терпилам – веревки, оседлали лошадей и недвусмысленно, мимикой, указали вектор движения – тронулись.

Федус только хотел спросить, что как они успеют за лошадью, открыл рот, но тут опять свистнула камча, бок ожгло вспышкой боли и он, взвизгнув – устремился вперед лошади в сторону Могузлов...

Утро начинается не с кофе... (9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

Сон алкоголика краток и недолог. Депутат Никита очнулся часов в шесть, задолго до рассвета, долго ворочался, пытаясь уснуть и заспать тяжелое похмелье, но никак не получалось. Вчера, у Председателя – он изрядно накидался, мало говорил и много слушал. Перспективы, мягко говоря, не радовали. Ужасали скорее, дураком Никита не был, а вот работать – не любил и не хотел, патологически. С детства ни баб с дедом, не родители выбить эту дурь из него не смогли, хоть и лупили нещадно. Он как-то пропетлял восьмерками до окончания школы, поступил в университет, с трудом его окончил (в основном благодаря тому, что активно участвовал в общественной деятельности, стараясь при этом ни за что не отвечать, но примелькаться начальству), после чего его диплом, отсутствие навыков, и тем более нежелание работать – оказались не востребованными в городе.

Пришлось вернуться в родное село, на шею к родителям. Родители, однако, с таким положением дел мириться не пожелали и быстренько вытолкнули прозорливого, но ленивого птенца из родительского гнезда на вольные хлеба. Пришлось крутиться, как умел, таким обра-

зом Никита занялся тем, к чему больше был склонен – общественной работой. Пришлось переехать в деревню из большого села, ещё тут жила эта Полякова, сука белобрысая, которая его отшила в школе, в старших классах.

Предпочла ему этого дуболома, Ваньку Потапова. Могла бы и кого поперспективней выбрать, за ней половина старших классов ухлестывало. И ему от Ваньки пару раз перепадало, по делу, но чувствительно, поэтому аж зубы скрипели и эмаль осыпалась, когда видел их вместе. Хотя в свете того, что Ванька, как и весь привычный мир канули в неизвестность, появлялась призрачная надежда на то, что Ксюша всё таки наконец-то обратит на него внимание и оценит по достоинству. Тут он снова заворочался, с тоской понимая, что нет – не оценит. Надо себя как-то проявлять, как вчера говорили – в новой парадигме.

То есть – работать, как ломовая лошадь, без перспектив, без благ исчезнувшей цивилизации, без достойного вознаграждения, без каких либо перспектив. Он и так выживал в этом селе на грани отчаяния, домик покосившийся, который ему выделили – он ненавидел всеми фибрами души. Как представлял, что впереди зима, надо топить печку, морозить жопу в уличном толчке – так выть хотелось и раньше, теперь же, без электричества – даже представлять такое не хотелось.

Раньше то хоть была перспектива вырваться, продвинуться наверх, пойти по партийной линии, теперь же всё, аллес. Везде такая же жопа, если не хуже, тут хоть какие-то осколки потерянной цивилизации. Хотя что ему достанется из остатков этой цивилизации и какое его место в иерархической пирамиде – Никита иллюзий не питал. Его и до переноса то никто всерьёз не принимал, глупо было думать, что сейчас что-то изменится.

Это если плыть по течению и цепляться за то, что уже не вернется, другое время – другие возможности. Надо просто проявлять инициативу и быть полезным. Ещё не вечер, всё только начинается!

И Никита привел себя в порядок, дождался восьми часов и пошел в народ, наработывать актив, общаясь с электоратом и стараясь понять настроения и чаяния людские. К обеду он вернулся в ненавистный домик, морально и физически вымотанный, рази три его послали прямым текстом, чтоб не лез в душу и не мешал, зато два раза покормили (народ у нас убогих привечает).

Внутри у Никиты теплилась надежда, что свет в конце тоннеля всё таки горит, а под ремнём штанов, врезаясь в живот – лежал коварно украденный у соседского школьника учебник «История России. 8 класс. Конец XVII-XVIII века» под редакцией Андреева, Амосовой и Ляшенко...

Примечания:

Балаган* – временное жилище в лесу, от шалаша до более основательных сооружений, закрытых берестой, лапником и с лежанками внутри.

Глава 5

(9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

Пробуждение Егора тоже нельзя было назвать безоблачным, первой мыслью было: ректификат без голов и хвостов – это хорошо, но меру знать надо. Потом, уже на кухне, прикинув к ковшу с водой, он вспомнил свой вчерашний заход к соседке и с чувством высказался вслух: «Стыд, позор и срам божий! Как дальше жить!?» Но так как жить дальше как-то надо было – он стал жить.

Растопил печку по летнему, вытащив вьюшку, чтоб не устраивать дома сауну, а просто вскипятить воды, заварить мешанку проглотам, себе кофе. Надо было и чего поесть сварить, но пока мысли о еде вызывали тошноту. Так он проколготился пару часов, и в начале девятого уже собрался выгонять гусей на пруд, как зашла ехидно улыбающаяся Ксюша: «Здорова, кобелина, не спится? А я вон тебе шурпы принесла, острой, мама с утра отцу варила, он тоже вчера на автопилоте пришел.»

Егор, пряча глаза и не зная, куда девать руки, принял литровую горячую банку.

-Да ты ешь давай, пока горячее. Я и хлеба тебе принесла, хлеба то тоже нет? И не будет, мама сама испекла. Всё, не привезут больше хлеба... Егор, да ты что сегодня с утра скромный такой, не узнать!? – уже откровенно издевалась улыбающаяся Ксюха.

Тут он понял, что ничего такого непоправимого вчера не сделал, успокоился и сел хлебать принесенную шурпу, налив ей кофе

– Будешь сегодня генератор запускать? – Деловито поинтересовалась Ксюша.

– Надо, – вздохнул он, – часа четыре, а то и больше гонять придется. Брагу перегнать. Тебе ноут зарядить?

– Ага, ну и посижу, позалипаю, поищу, чего полезного есть из инфы. Музыку послушаю. Прикинь, Егор, всю жизнь мечтала вырваться из деревни, а сейчас в такую деревню жопную провалились, ни электричества, ни интернета.

– Не все доживут до зимы, – на автомате брякнул Егор, и заметив её округлившиеся глаза, добавил, – забей, это песня была такая.

– А она есть у тебя? Вечером поставишь?

– Есть, на компе, слушаем.

Забрав банку, она ушла домой, а он, проводил пернатых до пруда, вернулся домой, насобирав штук восемь разных банок, от полулитровых до трёхлитровок, помыл их, чтоб не позорится перед тетей Таней, достал из морозилки уже разморозившееся мясо и понес это всё к председателю. Как вчера и договаривались.

Делать нечего в селе... (9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

Галка никогда не открывала свой магазин раньше десяти, она и в десять то открывала три раза в неделю, когда из сельской пекарни привозили хлеб и выпечку. Обычно появлялась там к двенадцати и торговала до шести-семи часов. Миллионов магазин не приносил, но был хорошим подспорьем к итак неплохому хозяйству – её отец (жили они рядом, два больших

пятистенка, их с Лёхой и родительский – были объединены общим подворьем) держал пчёл, скотины полный двор, Лёха за весну-лето-осень хорошо получал как механизатор, помогал тестю, ещё дома нет-нет появлялась дичь и рыба. И Галка, которая так то была Галией, но её даже родители с детства Галкой звали – без дела сидела редко. Можно сказать, расторговываясь в магазине – она отдыхала, удовольствие получала точно.

Сегодня был понедельник, день, когда приезжала газель от пекарни, но по понятным причинам – идти к десяти и ждать привоза хлеба было бессмысленно. Не особо она переживала из-за разморозившегося морозильника витрины, пол ящика подтаявшего мороженого из него раздала вчера детям. Сказала своему Петьке, тот привел ватагу друзей и всё подчистили. Им же она раздала, чтоб отнесли родителям и то, что неизбежно должно было испортиться в морозильнике без тока: с пяток кило рыбы, немного полуфабрикатов.

Переживала она как жить дальше, вчера вечером Лёха изрядно накидался с горя. У него родители и младший брат жили в селе, то, что о их судьбе ничего неизвестно – сильно его подкосило. Впрочем, это в той или иной мере затронуло всех.

С утра она, когда сели пить чай – поставила опешившему (ну не похоже это было на Галку, она скорей могла тряпкой ударить, на запрос похмелиться) мужу на стол полторашку пива, обняла его сзади, прижалась щекой, взлохматила шевелюру: «Прорвемся, Лешь, у нас Петька вон подрастает, помощник, надо прорваться! Ты только не увлекайся, ладно?»

Проникшись, Лёха расправил плечи, выплеснул чай, налил в кружку пива: «Куда мы денемся Галь! Вчера с Серёгой разговаривал, с участковым, сегодня соберемся, перетрём как дальше двигаться. Он ещё посоветовал, чтоб магазин прикрыли и ничего пока не продавали. Ну и баланс подбей, чего и сколько в наличии, ну не мне тебя учить. Деньги, походу – не просто обесценятся, как в девяностых, если только мелочь пригодится, на украшения. Как у цыган эти, как их там...»

Галка фыркнула: «У меня всегда всё в ажуре, что, сколько и где! И тетрадка с должниками, под запись. Пенсий и зарплат ждать не стоит, а там долгов – тысяч на двести- триста, считать надо. А у цыган – монисто, это ожерелье на шею, там не только монеты, бисер ещё, камушки. У меня этой мелочи – завались. Как думаешь, мне пойдет?»

– Тебе всё пойдет, милая, – Лёха допил, налил вторую и приобнял Галку, – по первому снегу лис настреляю, скроим тебе шубку, обвешаем монистами и будешь самой красивой и нарядной апайкой* в деревне!

То ли пиво ударило Лёхе в голову, то ли вид жены, в лисьей шубке на голое тело, с монисто на шее и браслетиком из монет на стройной ножке и он притянул смущающуюся Галку к себе на колени. Та, довольная, для вида поотбивалась: «Ты чо, вдруг Петька придет!»

– Что ему дома делать, ни телека, не компа! – Не отпустил её Лёха...

Галка пристроилась на груди у мужа, он поглаживал её по голове, когда кто-то затарабанил в калитку и раздался пронзительный свист, она вскочила, накинула халат: «Фанис, кажется, друзья к Петьке пришли» – вышла в сени, приоткрыла дверь и крикнула:

– Фанис, ты? А Петька на улице где-то! -

– Да я знаю, тетя Галь! Он с Рашидом ваш магазин кураулит, его взломал кто-то ночью!

- Да как же так! – Подхватила она. – Ой, спасибо Фанис! А ты не сбегаешь до участкового, не позовешь его? Я сейчас, соберусь махом и подойду!
- Уже, тетя Галь, Маня его сразу к отцу побежала, а я к вам!
- Бегу, бегу! Не расходитесь там, угощу вас!

Она бросилась в дом, Лёха уже одевался: «Вот мрази, слышал?!»
– Слышал, – кивнул он, – одевайся, сейчас, достану сайгу и пойдем.
– Лёша, – ойкнула она, – а сайгу то зачем?!
– А чтоб сразу мысли дурные пресечь, к нам залезть во двор, например. Не зря Серёга вчера говорил, чтоб всё домой перенесли...

Когда они подошли, у магазина уже стоял небритый и осунувшийся Серёга и кучковалась стайка детей: Галкин Петька, Маня участкового, «русские фашисты» Фанис и Рашид и ещё несколько их приятелей.

Лёха поздоровался с Серёгой: «Протокол будешь составлять?»

Тот махнул рукой: «Какой, к чертям, протокол, кому он сейчас нужен. Галь, ты глянь, чего и сколько вытащили, может, найду, кто это такой одаренный исполнил. И это, угости минералкой, пожалуйста».

Пока Лёха с упоением пил минералку, Галка прошлась по подсобке и небольшому залу (весь магазин представлял из себя не очень большой деревенский дом, с голландкой, которую зимой протапливали каждый день).

– Водку всю вынесли, три ящика с небольшим, только на витрине осталась, сигарет блоков пятнадцать, что было в подсобке, ну и по мелочи из продуктов что-то, на закуску, видимо – после результатов беглого осмотра заявила Галка. – Легко отделались, считай. Канцелярию не тронули, зажигалки, станки, батарейки. Фонариков китайских штук тридцать на месте. Алкашня порезвилась.

А участковый лихорадочно размышлял, кто бы это мог сделать, под подозрением было как человек двадцать «латышей» у которых из активов были только алкогольная зависимость и душа, так и ещё с тридцать неблагонадежных, которых в рамках закона держала только неотвратимость наказания. «Ну не Федус же залез, – подумал про себя Серёга, – не дурак же он, в самом деле, в третий раз на те же грабли прыгать».

– Надо всё вытаскивать и домой везти, – сделал правильный вывод Лёха. – как раз за одну ходку на тракторе вывезу.

– Да, – согласился Серёга, – вон Егор идет как раз поможет. Справитесь, или ещё кого позвать?

«И мы поможем!» – гордо заявила Маня и поглядев на парней, строго, с нажимом, переспросила: «Поможем ведь!?»

Те с готовностью подтвердили, что да, помогут, и с удовольствием.

«Помощники вы мои!» – умилилась Галка, и оделив детей газировкой, несколькими пачками печенья, посулила: «Как всё перевезем – угощу вас!»

И озвучила всем озарившую её мысль: «Тару не выбрасывайте, полторашки те же! Сейчас этого ничего не купишь!»

А подошедший Егор, поздоровавшись с мужиками и пацанами, с жаром её поддержал: «И стеклянные бутылки, мужики! Край как нужны! Мне разливать не во что!»

Лёха ушел за трактором, Серёга тоже куда-то, Егор приобнял любимую племянку Маню и спросил: «Ну что ты, мелкая, как без телефона живется? Приходи вечером, я генератор гонять буду, зарядишь хоть».

– Ой, да нафиг он нужен, без сети, только фотки если делать. Но я приду, со своей бандой, включишь нам кино какое-нибудь?!

Маней, (на самом деле Марией) её звали с его легкой руки, это он, впервые увидев её маленькую, закутанную в конверт, обвязанный розовой ленточкой, умилился: «Какая Маня хорошенькая!»

Манькина банда оживилась и тоже с ожиданием уставилась на Егора, по детям синдром отмены от электричества и гаджетов ударил сильнее всего.

– Приходите, куда вас девать, – согласился чертыхнувшийся про себя Егор, вспомнивший, что и Ксюха должна прийти.

Дети довольно загалдели – жизнь удалась, школа накрылась, сейчас кола и печенюшки, вечером кино.

А Егор подумал, что дети это очень ценный актив и их бы желательно чем-то занять, пока они не нашли себе занятие сами. Вспомнив себя в детстве, он аж содрогнулся...

Кто здесь временный? Слазь! ч. 1 (9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

К обеду во дворе у председателя стали собираться. Те, кого звали – проходили во двор, незваных – отправляли по домам, наказав собрать всех вечером, к шести часам у конторы на общий деревенский сход, где до них доведут генеральную линию партии. Опять курился дымком мангал, у которого сегодня хозяйничали два городских рыбака, процентов на девяносто поверившие в происходящее. Подошедшие Лёха с Егором, уже удачно вывезшие содержимое магазина, принесли с собой четыре упаковки пива, чтоб и не напиться, и не на сухую сидеть.

«Только тару не выбрасывайте и не портите!» – рачительно предупредил всех Лёха и высказал свои соображения по поводу того, что лафа кончилась, и из города больше ничего не привезут.

Серёга до обеда провел обход по местным притонам и неблагополучным семьям, в надежде вычислить воришек, обнесших магазин, впрочем – безрезультатно. Донес до собравшихся общее впечатление о настроениях: «Половина с похмелья, половина уже бухие, претензий – дофую: когда ток дадут, когда хлеб привезут? Если кратко – где им теперь харчеваться? Конструктива – ноль».

– Предложение у меня, мужики, простое, как три рубля, – начал Председатель, – у нас в активе имущество агрофирмы, шестнадцать человек охотников с охотничьим билетом, с десятков без билета, у кого на руках оружие,

– Можешь доставать свою СВТ, Анисим, – хохотнул Серёга, – и ты, Расул, сейчас лучше оружие под рукой держать.

Захар постучал шампуром по тарелке: «Я ещё не закончил» – участковый замолчал.

– Знаем друг друга всю жизнь. Из минусов: мы в петровской эпохе...

– В екатерининской! – Пискнула акушерка Света и смущенно примолкла

– Не суть! – отрубил Захар. – Мы крестьяне, как есть. А в глазах местных, ещё и неприлично богатые, странные крестьяне. Сейчас несколько сословий, если не ошибаюсь, так вот крестьяне самые бесправные. Сейчас мы либо объединимся, в первую очередь создав силовую составляющую, которая и отпор дать сможет, и внутри порядок держать. Либо нас тут похлопят и в работу на завод, крепостными. Поодиночке точно не получится. Только держаться друга друга, тянуть ляжку основную массу сразу в чувство привести. Чтоб не требовали социальных выплат и демократических выборов. У меня всё...

– Колхоз значит создавать, Михалыч? – уточнил Расул.

– Не колхоз, – поморщился Захар, – вон, Анисим жил при колхозе, как жили, Анисим?

– По разному жили, на словах красиво, а на деле, как всегда люди живут. Равенства и справедливости и тогда не было, и в наше время им не пахло, глупо его в прошлом искать. В совхозе я уже работал и за себя, и за несколько дармоедов, хватит. Я с тобой, Захар.

– Патроны беречь надо, мужики! – Провозгласил Поляков.

– Боря, у тебя по сути предложенного возражения есть, при чем здесь патроны?! – немного раздраженно воскликнул Серёга.

– Какие возражения!? – Удивился Ксюхин батя. – У меня хозяйство, скотина, я сам всю жизнь работаю, а тут или пришлые придут раскулачивать, или местные голодранцы. Я и говорю – патронов мало!

Тут собравшиеся загоготали так, что стало понятно, что если и есть у кого возражения, то только к деталям.

«Вечером сход общий, – не то спросил, не то утвердил Расул, – там, я так понимаю, до общего сведения будет доведен новый положняк?»

«Так». – Понимающе взглянул на него участковый.

«По любому будут недовольные, надо пару горлопанов популярных в чувство сразу привести, чем жестче, тем лучше. Меньше потом проблем будет. Лучше бы вообще сразу парочку пристрелить, я даже знаю кого, и рука не дрогнет» – Веско высказался кузнец.

Как ни странно, на это заявление никто не стал ни заламывать рук, вспоминая о правах человека, не протестовать, только Серёга добавил: «Сразу стрелять перебор, конечно, но сценарий правильный. Берем оружие на сход, держимся вместе, недовольство гасим в зародыше и жестко. А потом, возможно, кое кого придется и пристрелить, из непонятливых».

Захар Михайлович налил в кружку пива, постучал по ней шампуром, привлекая внимание и провозгласил: «Мы не будем строить колхоз, мы выживем только в организованной преступной группе. Чтоб не государство нас схарчило, а взяло под свою крышу, за ОПГ «Деревня»!

Вверх поднялись, встретились и чокнулись кружки с возможно последним пивом из утерянного будущего...

Глава 6

Кто здесь временный? Слазь! ч. 2 (9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

Торжественность момента нарушил сдавленный смешок хирурга, переросший вначале в еле сдерживаемое хрюканье и затем, не в силах сдержаться – он захохотал в полный голос.

– Что не так?! – с недоумением спросил Серёга.

– Всё нормально, – утирая выступившие слёзы ответил Толя, – просто Захар Михалыч одной фразой, про организованную преступную группу, охарактеризовал многовековую политику Российской Империи по освоению Урала и Сибири. Узнать бы ещё, какое сейчас время и дата, возможно, получится сойти за служилое казачье поселение. Увы, в истории не силен.

– Узнаем, рано или поздно, взаимодействовать с окружающими придется, в изоляции жить не получится. Да и не выживем. – вздохнул Председатель.

– А информацию по истории, – вставил свои пять копеек Егор – по деревне стоит поискать, в книгах, в учебниках школьников, у меня у самого что-нибудь найдется, из книжек Пикуль есть, а уж в компьютере столько хлама и мусора...

– Пустое это, – поморщился Захар, – в бумаге правду искать, у нас Никита в райцентр каждый месяц отчеты о проделанной работе возил, вот представьте теперь, как по подобным отчетам составить представление о фактическом положении дел.

По двору снова прокатились смешки.

– А с нами что? – Вдруг серьёзно спросил вдвжник Олег. – Кем вы видите нас здесь, с нами две женщины всё таки?

– А в вас я вижу четырех незаменимых специалистов! – Улыбнувшись, подмигнул ему Захар. – Или тебе тоже повоевать не терпится, десантура? Контору приведем в порядок, будет вашей. Там и медпункт организуем, и жить будете. В нашем ФАПе такая аппаратура стоит, которой ещё несколько сотен лет здесь не предвидится. Не говорю уж про знания и опыт.

– Мы только за! – Обрадовался хирург, и тут же поморщился, – Только вот не смотря на всю оснащенность, материальная база слаба, на первое время хватит, а дальше придется выкручиваться как-то, вплоть до того, что прибегнуть к народной медицине.

– А ведь у нас много информации, которую необходимо перенести на бумагу! – Заволновалась Марина Сергеевна. – Только у меня в ноутбуке куча справочных материалов и пособий!

И покраснев, добавила: «Только от мусора ненужного отсортировать надо».

– Ну вот и будет чем заняться, – Подытожил Председатель. – В помощь вам кого-нибудь определим, будет чем заняться. Свой генератор вам выделю, под строгую ответственность, принтер в конторе есть, бумагу в первую очередь всю вам.

Тут, до сей поры проходивший в деловом русле совет – превратился в птичий базар. Каждый спешил донести свое, без сомнения ценное мнение, до окружающих, апеллируя при этом то к председателю, то к Анисиму с Серёгой, а то и к Расулу. Те, в свою очередь, к аргументам не прислушивались, а гнули свою линию. Пришлось Захару повысить голос и прекращать анархию:

– Тихо, мужики! Замолчали все! Вы чо как бабы базарные сцепились!?! Нам нужно понимание, в каком направлении и как двигаться, в общих чертах! А вы, из-за мухоёбства, того и гляди, морды друг другу бить начнёте!

Недовольно оглядев притихших от отповеди мужиков, продолжил:

– За силовую составляющую, охрану, поддержание порядка предлагаю поставить Серёгу. Будет начальником дружины, все с оружием будут подчиняться ему. Без фанатизма, у нас ещё на других фронтах работы непочатый край, не знаю, за что хвататься... Есть возражения!?

Возражений не последовало, Председатель повел дальше:

– Анисим берет руководство над конюшной, зернотоком и всем прочим. Придется пересядаться на лошадей, рано или поздно. Лучше это сделать раньше, сэкономим топливо, с ним, как понимаю, ситуация катастрофическая и восполнить запасы не получится, к сожалению. Вопросы, возражения?!

Все согласно закивали, авторитет Анисима тут был бесспорным, тот всю кухню знал изнутри досконально. Захар Михайлович вздохнул:

– Ну и самое технологичное и прогрессивное в этом времени, гараж с кузней, слесаркой и нефтебазой будет за Расулом. Там сам определишь, кто где за что главным будет. Только без излишнего членовредительства, Расул! Кто против?!

Тут тоже ни у кого не нашлось возражений, Председатель подвел итог:

– Проблем, мужики, будет дофую и больше, сейчас главное, не дать всё растащить, занять людей и пережить зиму. А там война план покажет. И ещё, склоки и свары неизбежные на публику не выносить, будем сами разбираться. Расул, Серёга, Анисим – начинайте работу, прикиньте, что нужно, что в нашей ситуации нужно сделать, донесете свои соображения и будем вместе кубаторить. И давайте закруглятся, вечером сход ещё.

– Подождите! – Встал Серёга. – Минуту внимания! Обязательно надо собрать все рации, знаю, у каждого есть, и не по одному комплекту. Все по зиме браконьерничали, – ухмыльнулся он. – заряжать где найдем, у врачей, как понимаю, генератор будет. И уже сегодня надо взять под охрану конюшню, гараж с нефтебазой как минимум. И быть на связи, про магазин уже в курсе все.

– У Егора твоего генератор есть. – Добавил Захар. – Ему будем выделять в разумных пределах топливо, пока есть. На казенный винокуренный завод, оно и на медицину надо, и вообще, стратегическое производство. И о безопасности следует позаботиться, рацию ему обязательно, и вооружить, желательно.

– Рацию, рацию! – Поддержал Поляков. – Я через три дома живу, добегу мигом! А с оружием, вдруг опять чудить начнет, как раньше...

Возмущенному Егору не дал ничего сказать его брат, коварно сдавший его со всеми потрохами: «Да есть у него всё, и обрез, и ружьё дедовское, и весь фарш. Если что – долго отстреливаться сможет».

– Мы так никогда не разойдемся, – заметил Анисим, и обращаясь к Серёге, добавил: – у меня два конюха при оружии, толковые мужики, пришлю их тебе, рации выдай. Одного сегодня поставлю к сторожу, в усиление, всё у тебя голова меньше болеть будет.

И только народ потянулся к выходу, расходясь, как в калитку бочком протиснулся, теперь уже точно бывший, депутат Никита, опешивший при виде такого скопления народа: «Здравствуйте, здравствуйте». – Растерянно приветствовал он всех.

– Никита, грёбаный насос, где ты был!? – Радостно встретил его Егор. – Чего на собрании не присутствовал?! Тут должности раздавали, ты свое место, считай просохатил!

– Как!? – аж вскинулся от возмущения Никита, но тут же сник, от поднявшегося гогота мужиков, поняв, что над ним смеются.

Двор вскоре опустел, там остался только Захар, врачи, два рыбака и пришедший только что Никита, который обратился к Председателю: «Захар Михайлович, а мне теперь что делать?»

На что тот ответил равнодушно: «Работать, Никита, только работать. Как все, иди, решай, к чему душа лежит или на что способен. Отчеты писать больше не надо, возить их некому. Иди...» И Никита, огорошенный новыми перспективами, вернее – их отсутствием, ушел.

А к Захару переминаясь, подошли городские рыбаки, тоже обеспокоенные тем, как жить дальше, предваряя их вопросы, он поинтересовался: «На заводе трудились?»

– Да, – начал Александр, – я на экскаваторе всю жизнь, а Айрат токарем универсалом.

– Это хорошо, работы не боитесь, значит. Поговорю с Галкой, есть мысль вас в бывшем магазине поселить, домик там нормальный, утварь вам соберем, будете у врачей под боком. Айрату работа в слесарке найдется, к Расулу, такие кадры нам нужны. Да и так. Как понимаете, без дела сидеть не получится.

– Я из деревни, – добавил Саня, – с этим проблем нет. Тут вот какое дело, я ведь охотник, и ружьё есть, вернее, с собой было.

– В машине осталось?! – С досадой переспросил Захар.

– Нет, я его у реки спрятал, мы же поддатые были. А там у нас и палатка, и спальники, и посуда походная. Башкиры, правда, там наверху, на горе, где машину всегда оставляем. А если напрямую с горы спускаться, то до того места, где рыбачили, гораздо ближе.

– А вот это просто замечательно, – оживился председатель, – сегодня уже никак, а завтра выручать надо ваши вещи, ружьё в первую очередь! Патроны то хоть были к нему?

– Патронташ полный, и две пачки в рюкзаке, 50 штук считай, но с дробью, правда, на птицу.

– Отлично, отлично! – обрадовался Михалыч. – Не с пустыми руками вливаетесь в коллектив, да и не балластом!

А со стороны Могузлов в деревню въезжал Азат Айлулла в сопровождении четырех всадников. Судя по тому, что Азат и его спутники сегодня прибыли при полном параде, а через седельные сумки были чем-то набиты, это походило на официальный визит. В деревне, в поисках главного – его направили к председателю, куда он и прибыл, одновременно с подошедшим туда Серёгой, который уже вооружился помимо штатного в кобуре на боку – ружьем.

Врачи, уже знакомые с Азатом – поприветствовали его, Захар Михайлович, наслышанный о нем – тоже вышел встретить делегацию лично к воротам и пригласил всех вначале во двор, а затем к столу. Башкиры, спешившись и привязав коней к забору, с достоинством последовали приглашению. Беседу вел лишь один Азат, остальные, по всей видимости, русским не владели. Несмотря на несколько сотен лет как временной, так и культурной разницы – особых проблем с коммуникацией не было, худо-бедно понимали друг друга.

Отдав дань шашлыку, не оценив предложенное пиво, предпочтя ему чай, Азат наконец приступил к делу: «Баксы камлал всю ночь, много грибов съел, до утра весь в пене лежал, думали – помрет. Не умер, сказал – видел вас. Вы издалека пришли, очень издалека, но в вас есть кровь наших детей. Это он сказал. Он после грибов и не такое рассказывает. Говорил, что надо с вами торговать и дружить, наших обычаев вы пока не знаете. Звал вашего баксы приехать, вместе камлать»

«Это Егора надо к их шаману, – вполголоса заметил Серёга председателю, – он этих грибов столько жрал, что ничего с ним не будет, если ещё сожрет».

После этого Азат что-то сказал своим воинам, те вышли за ворота и вернулись с сумками, из которых, к удивлению всех присутствующих, достали водку и с десяток блоков сигарет, неотличимых от ассортимента любого магазина, правда – магазина образца 2023 года. Первым догадался участковый: «Это же из магазина Галкиного, который ночью вскрыли!»

– Татей ваших беглых поймали. – Подтвердил Азат. – В лесу таились, вино пили. Угнали к себе в становище, камчей поучили, пусть пока работают. Если не выкупите, – тут он лукаво взглянул на Председателя, – в Сатку на завод в работу продадим, там всех берут.

– Следите за нами, значит? – протянул Серёга

– Смотрим, – согласился Азат, – молодежь озорует, удаль показывает, за скотиной ходит. И варнаков хватает. Нельзя без пригляда.

– Не продавайте пока наших беглых, – попросил Захар, – или выкупим, или обменяем. Узнать бы ещё, кто это именно.

– Узнаем! – с угрозой произнес Серёга, и обращаясь к Азату, попросил: – Вы их там не жалейте!

– Работы много, – улыбнувшись, принял он подачу, – а кто ленится, тех наказывают.

Выпив несколько чашек чая, уделив особенное внимание выставленными на стол к нему карамелькам, Азат, отдуваясь, перевернул чашку и поблагодарил хозяев, его спутники последовали его примеру, дружно, от души сказав: «Зур рахмат»

Захар, заметив их интерес, проявленный к карамели, шепнул своей Татьяне и та вынесла из дома пакет, куда насыпала с полкило конфет. Этот пакет он вручил Азату, который с удовольствием и благосклонностью его принял. Ну и напоследок, Азат перешел к не очень приятным новостям, о том, что за пользование их земель надо было платить, по 25 копеек в год с человека. А земля эта, судя по всему – действительно была в пользовании его рода.

– Денег пока нет, – извиняюще заметил Председатель, – раз надо, заплатим.

– Хорошо, – согласился Азат, – будем торговать, меняться. Баксы сказал, что соседи вы хорошие, только ещё дикие, многого не знаете.

Серёга от этого заявления чуть не выронил сигарету изо рта, но сдержав себя, промолчал.

Подходившую к концу встречу, проходившую в теплой и дружественной атмосфере нарушило появление Фаниса, вбежавшего во двор с криками:

– Дядя Захар, дядя Серёга, там наших пастухов побили у Кулемки! И скотину угнали, не всю, правда, только овец с баранами сбили в кучу и угнали! Меня дядя Анисим послал, или вам, или дяде Серёге сказать!

Вскочившего было участкового усадил обратно Захар, вполголоса проговорив: «Сядь, у нас гости, никуда они не денутся, со стадом!»

У Фаниса же поинтересовался: «Сильно побили, живые хоть?»

– Да целые они! – воскликнул тот. – Только матерятся сильно и грозятся всех перебить, просят винтовку у дяди Анисима.

С интересом прислушивающийся Азат посоветовал: «Это молодежь из рода Айле, кочуют по реке до осени, к зиме в становище возвращаются. Смотреть надо, чтоб скотину не угоняли, а стрелять нельзя, кровь будет между вами».

Затем, видя, что хозяева заняты новостями об нападении – поспешил откланяться.

Председатель с Серёгой проводил их, напоследок обратившись:

– Азат, ваш баксы умный человек, мы действительно издалека и не знаем ваших обычаев, что ты нам посоветуешь, как вернуть баранов?

– Отправить молодежь, чтоб они угнали у айле лошадей или баранов. Ночью. Только у совсем никчемных пастухов можно отбить стадо днем. – ухмыльнулся он и уехал.

Провожая их взглядом, Серёга сплюнул на обочину и сквозь зубы проговорил: «У нас молодежи такой нет, они мобилу то отжать не способны, не то что стадо угнать ночью...»

– Иди к Анисиму, узнавай, что там с пастухами, со стадом. – Направил его Захар. – Думайте, как проблему решить. И пора тебе лошадь осваивать, не надоело весь день на ногах?

Бензин для твоего УАЗика, извини, сейчас непозволительная роскошь. И сход уже через полтора часа...

Глава 7

(9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г.

К шести вечера площадь перед конторой стала заполняться людьми, новость о нападении на стадо уже ушла в массы и они бурлили. Детали о угоне скота обрастали такими подробностями, что кровь стыла в жилах. Поэтому появление среди народа охотников с оружием ни у кого не вызвало отторжения, скорее – надежду.

– Что там с пастухами и стадом? – Спросил Захар у подошедшего участкового.

– С пастухами всё нормально, отделались легким испугом. Башкиры подошли на лошадах по Кулемке снизу, пока пастухи клювом щелкали, сбили часть баранов в кучу и погнали верхами через поле в сторону села. Когда эти бараны чухнулись и побежали выяснять, что за беспредел происходит, вместо того чтоб бежать в деревню за помощью – их кнутами отогнали. Анисим дал лошадей, усилил пастухов двумя людьми с оружием и отправил собирать табун. С крупно-рогатым, слава богу, угонщики связываться не стали. Так что скоро, край полседьмого, аккуратно перед закатом – пригонят табун. Малой кровью обошлись, хотя спускать такое нельзя, на шею сядут!

– Думай, решай, все ресурсы силовые на тебе, тут у тебя карт-бланш. Ладно, пошли выступать, хорош людей мариновать. А ведь эти башкиры нам на руку сыграли, привели людей в чувство...

Председатель с Серёгой поднялись на крыльцо конторы, там Захар, игнорируя отдельные возгласы из толпы: «Что с нашей коровой!?!», «Кто теперь табун пасти будет, раз пастухов искалечили!?!» – оглядел собравшихся и начал вещать:

– Нападение на стадо – это первый звоночек! Потом придут за налогами, и в случае неуплаты – недоимки возьмут натурой! А то и людьми, забреют в солдаты или закрепостят, если повезет. Обычная практика здесь и сейчас – забрать на завод в работу, за недоимки. А там или углежогом, или у домны стоять, лет через пять такой работы – легкие выхаркивать! Уже приезжал бий с Верхних Тыгов, за каждый год с человека мы должны ему по двадцать пять копеек с человека платить!

Переждав поднявшиеся среди людей смешки, продолжил:

– Смешно?! А цены вы знаете нынешние, а деньги эти у вас есть?! На всю деревню если раскинуть, это сто двадцать пять рублей за всех заплатить надо только бию раз в год! А за десять рублей здесь можно купить бабу молодую, так же просто как в наше время барана! Вот приедет к новому году бий, кого ему отдадим за аренду его земли?! Бабку Марфу он не возьмет...

Взяв паузу, недовольно поморщился на раздавшиеся несколько выкриков: «Перестрелять башкир!», «Да что мы, от башкир не отобьемся!?!»

– Тихо! От кого вы отбиваться собрались!? Башкирский бий – часть государства, то, что вы предлагаете, это не только уклонение от уплаты налогов, но и бунт! Много вы бунтовали в наше время? А сейчас не космонавты с дубинками и щитами приедут, а солдаты! Огнестрель-

ное оружие сейчас не такое, конечно, как в наше время, но нам хватит. Придут человек триста солдат, пару картечных привезут и все, деревню сожгут. Выживших кого в колодки, кого в холопы!

Толпа угрюмо притихла, от нарисованных перспектив, а Захар нагнетал дальше:

– Вы из-за стада беспокоитесь, из-за баранов, а надо о себе беспокоиться! Стадо скоро пригонят, не всех угнали, с угнанными – решим вопрос! Что бы нам выжить – надо вписаться в существующее здесь и сейчас общество, что будет трудно, очень уж мы выделяемся! И мы это сделаем! Сделаем, или нас просто не станет!

Это заявление уже вызвало у народа воодушевление, особенно после ужасов, обещанных Председателем поначалу.

– Или мы будем поддерживать порядок и дисциплину сами, сообразно нормам морали и законов, свойственным данной эпохе, либо нам их навяжут насильно, сверху! Женщинам с завтрашнего, нет, с сегодняшнего дня – всем носить платки! Время такое, что простоволосыми ходят только молодые и незамужние, без палатка бабе – харам! Тьфу конечно, не харам. но тоже ничего хорошего, из-за тупой бабы, забывшей надеть платок – под молотки доверенную мне деревню подводить не буду! По вопросу религии – православным научиться креститься, найти и носить крестики, конфликт с церковью мы точно не переживем! Мужикам тоже лучше без головных уборов не ходить. За пределы деревни без охраны не соваться, двое уже прогулялись в лес, обворовав магазин – сейчас в колодках у башкир! И не думайте, что мы тут где-то в глуши оказались и про нас никто не знает, уже вон – и с налогом на землю подкатили, и стадо попытались отбить...

Из начавшего осмыслять новые реалии опчества не переставали сыпаться вопросы, не отличавшиеся, впрочем, разнообразием. Интересовало людей, в первую очередь – что будет с продуктами, особенно с хлебом. И то, на что существовать дальше. На что Председатель, заметив показавшееся на краю деревни стадо, ответил кратко:

– С хлебом пока тяжело, будем решать вопрос, зерно есть – мука будет, не все сразу. Работы много, повторяю – очень много, кто будет работать – голодать не будет. Стариков в беде не оставим, детский сад работу продолжит, с детьми, кто ходил в школу – будем решать. Ну а кто работать на общее благо не захочет – без обид, социальных выплат в этой эпохе у государства нет. Идите, встречайте стадо...

– Подождите! – Взял слово Серега. – По угнанным баранам! Не надо с каждой овцой украденной ко мне ломится как бараны! Между собой определитесь, у кого сколько угнали, вечером мне общее количество похищенного скажете. Вы меня знаете, вопрос решим в ближайшее время!

На этой позитивной ноте все разошлись, хозяева держащие скотину – устремились встречать стадо, не отягощенные живностью – по домам. Отсутствие электричества порешало с циклом день-ночь, люди ложились раньше, стараясь встать с восходом, что сулило вскоре изрядные неудобства, из-за уменьшающегося дня...

А наш притончик гонит самогончик... (9 октября 2023 г.) 28 сентября 1796 г., вечер.

Братья Шухвактовы, в ночь на воскресенье распродавшие больше половины запасов контрафактной водки, утром продолжили рекордные продажи, едва успевая менять помятые купюры на бутылки. После обеда, когда водка закончилась – вернулись с улицы дети и рассказали такое, что Убдулбек и Аббасатт аж почернели лицом. В запале, поняв, как они лоханулись – кинулись даже по горячим следам, аннулировать хоть часть последних продаж.

В первом же дворе, хозяевам которого они продали 10 бутылок, их неприветливо встретили четыре покупателя. Убдулбек, как самый младший и горячий – наскочил на мужиков, отчаянно жестикулируя и гортанно требуя немедленного расторжения сделки, сопровождая просьбы матом с акцентом. Когда один их мужиков оттолкнул наседающего Убдулбека со словами : «Охолони!», – тот окончательно осатанел и с криком: «Я твой рот ипал, всэх зарежу!!!» – кинулся на мужиков снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.